

«ЖЕНА МУЖА В ПАРИЖ ПРОВОЖАЛА»¹ КАК СУИЦИДАЛЬНЫЙ НАРРАТИВ

Е.Б. Любов

Московский НИИ психиатрии – филиал ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, г. Москва, Россия

«HOW A WIFE SAW HER HUSBAND OFF TO PARIS» AS SUICIDE NARRATIVE

Е.В. Lyubov

Moscow Institute of Psychiatry – branch of National medical research centre of psychiatry and narcology by name V.P. Serbsky, Moscow, Russia

Информация об авторе:

Любов Евгений Борисович – доктор медицинских наук, профессор (SPIN-код: 6629-7156; Researcher ID: B-5674-2013; ORCID iD: 0000-0002-7032-8517). Место работы: главный научный сотрудник отделения клинической и профилактической суицидологии Московского научно-исследовательского института психиатрии – филиала ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России. Адрес: Россия, 107076, г. Москва, ул. Потешная, 3, корп. 10. Телефон: +7 (495) 963-75-72, электронный адрес: lyubov.evgeny@mail.ru

Information about the author:

Lyubov Evgeny Borisovich – MD, PhD, Professor (SPIN-code: 6629-7156; Researcher ID: B-5674-2013; ORCID iD: 0000-0002-7032-8517). Place of work: Chief Researcher, Clinical and Preventive Suicidology Division, Moscow Research Institute of Psychiatry, a branch of the National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky. Address: Russia, 107076, Moscow, 3/10 Poteshnaya str. Phone: +7 (495) 963-75-72, email: lyubov.evgeny@mail.ru

В ходе анализа содержания рассказа В. Шукшина и иных уместных художественных текстов как «описаний случаев» показано формирование суицидального кризиса с указанием предрасполагающих и защитных (антисуицидальных) факторов.

Ключевые слова: суицид, суицидальный кризис, нарратив, качественный анализ

«Три вещи надо знать о человеке:
как он родился, как женился, как умер».

В. Шукшин

“Three things you need to know about a person is: how they were born, how they got married, how they died.”

V. Shukshin

Суббота для и без человека. Каждую субботу вечером Колька Паратов с трёхрядкой давал дворовый концерт «А жена мужа в Париж провожала, Насушила ему сухарей ... / А сама потихоньку шептала: «Унеси тебя чёрт поскорей!»

Примета «дворовой культуры»: дворов как хранителей общности: музыкант на табуреточке под окном (к/ф «Человек с аккордеоном», СССР, 1985), танцы под патефон (к/ф «Застава Ильича», СССР, 1965). Скорее – историческая реконструкция (здесь и далее коммент. авт.).

Колька, смешно отключив зад, пританцовывает. Тара-рам, тара-рам, тара та-та-ра... рам, / Тари-рам, тари-рам, та-та-та... Старушки и ребятишки смеются.

В рассказе Э. Рассета «Немного смазки» клоун высоко функционален. Образ городского дурачка, бесплатного фигляра сформирован. Но Колька внимательно, не дурашливо, описан.

Saturday for and without a person. Every Saturday evening, Kolka Paratov with his harmonic gave a courtyard concert "How a wife saw her husband off to Paris, Dried him biscuits ... / And she whispered," Get the devil out of here as soon as possible! "

A sign of "courtyard culture": courtyards as guardians of the community: a musician on a stool under the window (film "A man with an accordion", USSR, 1985), dancing with a gramophone (film "Ilyich Outpost", USSR, 1965). Rather, it is a historical reconstruction (hereinafter, a commentary by the author).

Kolka, ridiculously putting his buttocks aside, is dancing. Tara-ram, tara-ram, tara ta-tara ... ram, / Tari-ram, tar-ram, ta-ta-ta ... Old women and children are laughing.

In E. Russet's story "A Little Grease", the clown is highly functional. The image of the city idiot, the free-of-charge buffoon, has been formed.

¹ Рассказ В. Шукшина 1971 г. Текст с купюрами – из свободного доступа в Сети / V. Shukshin's story of 1971 Text with cuts – from free access on the Web.

Обаятелен, сероглаз, чуть скуласт, с льняным чубариком-чубчиком. Невысок, но надёжно-крепко шит. Сибирячок, памятный Москве 1941 года.

Исторический отсыл делает Кольку типичным, надёжного рода-племени. Не на помойке нашли. В строю идущих на смерть – не затерялся бы.

Колька в хорошем субботнем подпитии, улыбочив.

Обычное субботнее возлияние («для пьянства есть такие поводы...») – признак бытового пьянства. «Ложный друг» вызывает хорошее настроение. Спиртное – идеальный адаптоген по соотношению цена / эффект (не косвенная реклама).

Кличет жену, ломая голос «по-тирольски», потешая публику, чтоб бросила штиблеты – цыганочку публика просит. Валюша зла на Кольку, ненавидит его за обычную потеху, стыдится.

Колька вроде шутейно, прилюдно вызывает семейный конфликт.

Валюша с треском распаивает окно на третьем этаже, и, навалившись могучей грудью на подоконник, свирепо-привычно: «Я те сейчас отреагирую – кастрюлей по башке, кретин».

Отношения муж – жена («одна сатана») – привычно обоюдно неприязненны. Всё по субботним нотам.

Внизу взрыв хохота; Колька тоже смеется, хотя... Странно это: глаза Кольки не смеются, и смотрит он на Валюшу трезво и, кажется, доволен, что заставил-таки сорваться жену, довёл, что она выказала себя злой и неумной, просто дурой. Колька как будто за что-то жестоко мстит жене, и это очень на него непохоже, и никто так не думает – просто дурачится парень.

Второе дно пьяного демарша: потаённый мстительный расчёт-провокация.

Вокруг Кольки изрядно людей.

Колька, как все мы, здесь и сейчас, раньше и потом – среди людей. Вот только умираем мы в одиночку.

– Какой размер, Коля? – Фиер цванцихь – сорок два.

Исковерканно-побеждённый немецкий – знак дворового нехитрого юмора: «Айн момент, Маргарита Павловна» (Покровские ворота, к/ф СССР, 1982).

Колька пляшет, красиво, с остервенением. Враз становится серьёзным, несколько даже торжественным ...

«Смотри, как пляшет этот малый – его, наверно, укусил тарантул».

Трехрядка прикипает к рукам, в меру помогает цыганочке, где надо молчит, работают ноги. Работают четко, точно, сухо ... И треплется по вспотевшему лбу Кольки льняной мягкий чубарик.

But Kolka is carefully, not foolishly, described.

Charming, gray-eyed, slightly cheekbones, with a linen forelock. Low, but securely stitched tightly. A Siberian man, memorable to Moscow in 1941.

Historical reference makes Kolka a typical, tribe-like person. In the ranks of those going to death – he would not get lost.

Kolka is typically drunk on a Saturday, smiling.

The usual Saturday drink ("there are so many reasons for drunkenness ...") is a sign of domestic drunkenness. A "false friend" evokes a good mood. Alcohol is an ideal adaptogen in terms of price / effect ratio (not indirect advertising).

He calls out to his wife breaking his voice "in Tyrolean", amusing the audience to drop her boots – the audience asks for a gypsy song. Valyusha is angry at Kolka, hates him for his usual fun, and is ashamed of him.

Kolka seems to be joking but publicly causing a family conflict.

Valyusha threw the window on the third floor open with a bang, and, leaning her mighty chest on the windowsill, fiercely shouts habitually: "I'll react in a moment – a pan over the head, you idiot."

The husband-wife relationship is habitually mutually hostile. Everything is according to the Saturday scenario.

Below there was a burst of laughter; Kolka laughs too, though ... It's strange: Kolka's eyes do not laugh, and he looks at Valyusha soberly and, it seems, is pleased that he made his wife break loose, brought her that she showed herself to be evil and stupid, just a fool. Kolka seems to be cruelly taking revenge on his wife for something, and this is very unlike him, and no one thinks so – the guy is just fooling around.

The second stage of a drunken demarche: a secret vengeful calculation-provocation.

There are a lot of people around Kolka.

Kolka, like all of us, is here and now, before and then – among people. We just die alone.

– What size is it, Kolya? – Vier zvanzig – forty-two.

The broken German is a sign of simple courtyard humor: "Ein moment, Margarita Pavlovna" (Pokrovskie Vorota, film USSR, 1982).

Kolka dances, beautifully, with frenzy. At once he becomes serious, somewhat even solemn ...

"Look how this fellow dances – he must have been bitten by a tarantula."

The three-row rider sticks to his hands, helps the gypsy girl in moderation, where she is silent, her legs work. They work clearly, precisely, dryly ... And a soft linen forelock flutters over Kolka's sweaty forehead.

Чуб-чубарик – становится трогательной меткой мало-приметного безвозрастного Кольки.

Молчат вокруг, будто догадываются: парень выпячивает какую-то свою затаённую горькую боль.

Кольку пронизывает затаённая боль – как босиком на угольях. Выправляет, как умеет, корявую (читателю незнакомую) жизнь. У Шекспира «Музыка глушит печаль». Соседи-статисты «как бы» в курсе.

В окне отодвигается край дорогой шторы – Валя смотрит на своего «шута».

Дорогая штора у пьянчужки – неладно в доме.

Она тоже серьёзна в плену иступленной, злой цыганочки. В такие минуты любит мужа.

Смешанные чувства – на талант падка Валя. Музыка не берedit жинины раны, будят память на хорошее.

Люди давно разошлись по домам... А Колька тихонько подбирает что-то на слух, грустное. И думает, думает, думает.

Тормозная фаза опьянения. Чуть – и пьяные слёзы с русской (непереводимой) тоской. Не утопить – всплывает.

Мысленно исходил свою деревню, заглянул в каждый закоулок, посидел на берегу стремительной чистой реки.

Повторяющийся далее образ чистой реки-жизни как белого парохода. А он на берегу.

Если приедёт один, мать станет плакать: большой грех – оставить дите родное, станет просить вернуться... О господи! Что делать?

В тяжкие времена Господа поминают и безбожники второго советского поколения. Думы по кругу («жвачка») без исхода. Дитё якобы не пускает. Посоветоваться не с кем. Привычки нет.

Окно открывается: «Ты долго там будешь пилить? Насмешил людей, а теперь спать им не дашь. Кретин! Тебя же сейчас во всех квартирах обсуждают!».

Вряд ли.

Колька хочет промолчать.

Домой не охота. На арене один. И клоун из красного – побелел.

– Слышишь, что ли? Нинка не спит!.. Клоун чертов. – Закрой поддувало. И окно закрой – она будет спать. – Кретин!

Возможно, новомодное слово-эвфемизм. Замена матерку.

– Падла!

Привычно перебранка обоюдо глухих супругов. Сдержаться нет сил и желания.

Окно закрывается. Но через минуту снова распахивается. – Я вот расскажу кому-нибудь, как ты мечтал на выставке: «Мне бы вот такой маленький трактор, маленький комбайник и десять гектаров

His forelock becomes a touching mark of an inconspicuous ageless Kolka.

Everyone around is silent as if they understand that the guy is dancing out some of his hidden bitter pain.

Kolka is pierced by a hidden pain – as if he was walking barefoot on coals. He corrects, as best he can, his clumsy (unfamiliar to the reader) life. In Shakespeare's "Music dampens sorrow." Neighbors are "kind of" in the know.

The edge of an expensive curtain is pulled back in the window – Valya looks at her "jockey".

An expensive curtain at the drunkard – something is wrong in the house.

She, too, is serious in the captivity of a frenzied, angry gypsy song. At such moments, she loves her husband.

Mixed feelings – Valya is susceptible to talent. Music does not hurt his wife's wounds, but it wakes up her memory for good.

People have long gone home ... And Kolka quietly picks up something sad by ear. And thinks, thinks, thinks.

The inhibition phase of drunkenness. A little – and drunken tears with Russian (untranslatable) melancholy. You can not drown it as it pops up.

Mentally I went out to my village, looked into every nook and cranny, sat on the banks of a fast-flowing clean river.

The repetitive image of the pure river-life as a white steamer. And he is on the shore.

If she comes alone, the mother will start crying: it is a great sin to leave her dear child, she will ask to come back ... Oh, Lord! What to do?

In difficult times, the Lord is also remembered by the atheists of the second Soviet generation. Thoughts in a circle ("chewing gum") without outcome. The child allegedly does not let him in. There is no one to consult with. There is no habit.

The window opens: "Are you going to stay there for a long time? You made people laugh, but now you don't let them sleep. You idiot! Wait, they are discussing you in all apartments!"

Unlikely.

Kolka wants to remain silent.

He doesn't want to go home. He is the only one in the arena. And the red clown turned white.

– Can you hear? Ninka is not sleeping!.. Damn clown. – Shut your mouth. And shut the window – she will sleep. – You idiot!

Perhaps the newfangled word euphuism. Replacing the curse language.

– Crud!

The usual squabble of mutually deaf spouses. There is no strength and desire to restrain.

The window closes. But a minute later it swings open again. – I'll tell someone how you dreamed at the exhibition: "I would like to have

земли». Кулачье недобитое. Почему домой-то не поехал? В колхоз неохота идти? Об единоличной жизни мечтаете с мамашей своей... Не нравится вам в колхозе-то? Заразы, Мещаны.

Знает больное место Валя. Извод культивируемого годами Советской власти скрыто-завистливого неприятия домовитых «хозяйчиков».

Самое чудовищное, что жена знала: отец Кольки, и дед, и вся родня – бедняки в прошлом и первыми вошли в колхоз, Колька ей рассказывал.

Вот такие горлопаны и развалили деревню. И новенькие трактора не склеют обломки разбитого в дребезги.

Кульминация. Колька ставит гармонь на скамейку... Хватит! Надо вершить стог. Эта добровольная каторга сделает его идиотом и пьяницей. Какой-то конец должен быть.

Очередная обида на обстоятельства, ущемлённая ещё непропитая гордость. Невмоготу. Кристаллизация решения – немедленное безальтернативное действие.

Скоро преодолел три этажа... Влетел в квартиру.

Протрезвел от клокочущей ненависти. Возбуждение. Жажда немедленной мести.

Жена Валя, зачуввав недоброе, схватила дочь на руки. – Только тронь! Только тронь посмей!..

Дочь бессловесная – защита. Бедная.

Кольку било крупной дрожью.

Ажитация.

П-положь ребёнка, – сказал он, заикаясь. – Только тронь!.. – Всё равно я тебя убью сегодня. – Колька сам подивился – будто не он сказал эти страшные слова, а кто-то другой, сказал обдуманно. – Дождалась ты своей участи... Не хотела жить на белом свете? Подыхай. Я тебя этой ночью казнить буду.

Вербальная агрессия. Привычные дикие слова. Виновник должен быть наказан.

Колька пошёл на кухню, достал из ящика стола топорик...

С таким ходил Мосгаз.

Делал всё спокойно, тряска унялась. Напился воды... Закрыв кран. Подумал, снова зачем-то открыл кран.

Сухость во рту и в душе. Автоматизированные действия.

– Пусть течёт пока, – сказал вслух.

Обмыть потом топорик?

Вошёл в комнату – Вали не было. Зашёл в комнату – и там нет.

Промедление (нарочитое?) спасительно.

– Убежала. – Вышел на лестничную площадку, постоял... Вернулся в квартиру. – Всё правильно...

Облегчение – не убийца он по крови, потомок первых

such a small tractor, a small combine harvester and ten hectares of land". You, bourgeois. Why don't you go home? Don't you want to go to the collective farm? You dream of a one-man life with your mother ... Don't you like being on a collective farm? You stupid bourgeois.

Valya knows the sore spot. Exodus of the latent-envious rejection of the house-hold "proprietors" cultivated over the years of Soviet power.

The most monstrous thing that my wife knew: Kolka's father, and grandfather, and all relatives – poor people in the past and the first to enter the collective farm, Kolka told her.

These are the bawlers and destroyed the village. And brand new tractors will not glue together the wreckage of a broken tree.

Climax! Kolka puts the accordion on the bench ... Enough! We need to make a haystack. This voluntary hard labor will make him an idiot and a drunkard. There must be some end.

Another resentment against the circumstances, a strangled still unsaturated pride. Unbearable. Crystallization of the solution – immediate non-alternative action.

Soon he crossed three floors ... he flew into the apartment.

He sobered up with seething hatred. Excitation. Thirst for immediate revenge.

Valya the wife, sensing unkindness, grabbed her daughter in her arms. – Just touch it! Just touch it, you dare!..

The wordless daughter is protection. Poor girl. Kolka was trembling violently.

Agitation.

P-put the baby down, "he said stammering. - Just touch the baby! .. – Anyway, I'll kill you today. - Kolka himself was amazed as if it was not him who said these terrible words, but someone else, said deliberately. - You waited for your fate ... So you didn't want to live in this world? Die. I will execute you tonight.

Verbal aggression. The usual wild words. The guilty one must be punished.

Kolka went into the kitchen, took an ax out of a drawer ...

Mosgaz went out with such ax.

He was doing everything calmly, his stopped shaking and drank some water ... He turned off the tap. He thought and he turned on the tap again for some reason.

His mouth and soul are dry. His actions are automated.

"Let it flow for now," he said aloud.

"Should I wash the ax?"

He entered the room – Valya was not there. He went into another – and she was not there as well.

Delay (deliberate?) is salutary.

– She ran away. – He went out of the apartment and stood there ... He returned to the

колхозников.

Положил топорик на место...

Отлегло временно.

Походил по кухне. Достал из потайного места початую бутылку водки, налил стакан, бутылку опять поставил на место. Постоял со стаканом ... Вылил водку в раковину.

«Заначка» спиртного – обычна для пьяниц. Роковой поступок. Бифуркация сюжета. Сколько людей запили и заспали беду.

– Не обрадуютесь, гады.

Выпивка – слабость. Приз обидчикам.

Сел ... Но тотчас встал – показалось, что на кухне очень мусорно. Он взял веник, подмел.

Непокой. Попытка отвлечения. Душу бы так вымести и чистой заменить.

Так? – спросил себя Колька. – Значит, жена мужа в Париж провожала?

Рассказ колыцется. Песня становится судьбой.

– Закрыв окно, закрыл форточку, дверь. Закурил, курнул раза три подряд поглубже, загасил папиросу.

Зреет некий план.

Взял карандаш и крупно написал на белом краешке газеты: «Доченька, папа уехал в командировку».

Прощальная записка родному человеку без объяснений, обвинений и жалоб. Концовка популярного танго: «В моём письме упрека нет». Смерть – долгое расстояние. Девочка грамотная, да вряд ли прочтёт. Мать вытеснена. Как в прощании Маяковского.

Положил газетку на видное место...

Нельзя пропустить, как и тело. А читатель ещё надеется, «пока идут титры».

И включил газ, обе горелки...

«Знай же, что для того, чтобы умереть, не надо ничего, кроме желания». *Сенека*. Выбор смерти необычен. Топорик рядом – мог бы ограничиться порезом. Но символичен – «городской». Требуется некой подготовки и умения – как петлю свить. Смерть не очевидна. Пристальный Шукшин ради неожиданной нелепой, при этом логичной концовки обходит детализацию подготовки смертельного действия.

Когда рано утром пришли Валя, теща и теща, Колька лежал на кухне, на полу, уткнувшись лицом в ладони. Газом воняло даже на лестнице.

В объёме 4,5-17% от общего количества воздуха газ в помещении приобретает взрывоопасные характеристики. Отдушка газа спасла не одну жизнь (угарный газ более коварен). Более чуткие соседи могли спасти, забив тревогу, но сами живы остались. Родные мало спали.

– Скотина!

Эпитафия.

И газ не... – Но тут поняла Валя. И заорала.

apartment. – Everything is right ...

He felt relieved as he is not a murderer by blood, a descendant of the first collective farmers.

He put the ax to its place ...

Temporary relief.

He walked around the kitchen. He took out an open bottle of vodka from a secret place, poured a glass, put the bottle back in place. He stood with a glass ... Poured vodka into the sink.

The "stash" of alcohol is common for drunkards. Fatal act. Plot bifurcation. How many people drank and fell asleep in trouble.

– I will not make you happy, you bastards.

Drinking is a weakness. A prize to offenders.

He sat down ... But he got up immediately – it seemed that the kitchen was garbage. He took a broom and swept it up.

Restless. An attempt of distraction. What if one's soul could be swept away and replaced with a clean one.

– So? Kolka asked himself. – So, the wife saw her husband off to Paris?

The story rings itself. The song becomes destiny.

– I closed the window, closed the window, the door. He lit a cigarette, smoked three times in a row deeper, put a cigarette out.

A certain plan is ripening.

He took a pencil and wrote coarsely on the white edge of the newspaper: "My sweet daughter, daddy went on a business trip."

A farewell note to the loved ones without explanations, accusations or complaints. The ending of the popular tango: "There is no reproach in my letter". Death is a long distance. The girl is literate, but she is unlikely to read. The mother is repressed. As in Mayakovsky's farewell.

I put the newspaper in a prominent place ...

Not to be missed, as is the body. And the reader still hopes, "while the credits are listed."

And he turned on the gas, both burners ...

"Just know, then, that in order to die, you do not need anything but desire." *Seneca*. The choice of death is unusual. The ax is nearby – he could have made a cut. But it is symbolic - "city-like". It requires some preparation and skill - how to twist a loop. Death is not obvious. Steadfast Shukshin for the sake of an unexpected absurd, while at the same time logical ending bypasses the detailed preparation of the deadly action.

When Valya, the father-in-law and mother-in-law came early in the morning, Kolka was lying in the kitchen, on the floor, with his face buried in his palms. Even the stairs stank of gas.

In the volume of 4.5-17% of the total amount of air, gas in the room acquires explosive characteristics. Gas scent has saved more than one life (carbon monoxide is more insidious). More sensitive neighbors could have saved by sounding the alarm, but they themselves remained alive. Rela-

Теща схватилась за сердце.

А ей поднимать внучку. Дочь не захватили – видимо, ещё спит невинным сном перед жизнью без отца. И на кладбище не возьмут.

Тесть подошёл к Кольке, перевернул его на спину.

Первые осмысленные действия.

У Кольки не успели ещё высохнуть слезы...

Плакал, себя (?) жалеючи.

И чубарик его русый был смят и свалился на бочок.

Чубарик живёт отдельно, отклеился.

Тесть потряс Кольку, приоткрыл пальцами его веки... И положил тело опять в прежнее положение: «Надо... это... милицию».

Сознательный тесть провёл, как умел, реанимационные мероприятия. И не помешал следствию.

Ретроспектива: материал психологической аутопсии.

«Это у вас получилась художественная правда»

А. и Б. Стругацкие «Понедельник начинается в субботу»

Три года назад познакомился солдатик Колька с москвичкой Валюшей «самым идиотским способом – заочно». Отправил фотографию и много «разных слов». Демобилизовавшись, приехал к зазнобе, минуя мать в деревне, и пришёлся по душе новой семье. Смущало, что у солдатика ничего нет, никакой специальности (родные Вали все потомственные портные, и сама классная портниха). Но решили, что это дело наживное. И Коля стал москвичом.

Обычная в век Сети завязка романа. То же на фронте, куда не поспел Колька. Примак в семье москвичей (тоже в первом поколении?) – лепи, что хочешь. Ошиблись все. По «семейной хронологии», Кольке меньше 25.

Стали с Валюшей жить-поживать, и потихоньку оказались (и были) напрочь чужими друг другу.

Брак – два микрокосма, по В. Трифонову. Терпеть и прощать никто не обучен.

Колька менял места работы, и везде – 100-120.

Хочешь – жни, а хочешь – куй».

Махнул рукой, остался грузчиком в торговой сети.

Частая смена гражданской службы («детун») – пред-рассудительна. И зачем. Стал грузчиком (не стыдно – пролетарий) в торговой сети, то есть полупролетарием. Что хотела работящая и умелая Валя кроме заработков – не знаем. Махнув рукой: «поехали».

А у Вали-телеграфистки до 300: сутки работает, двое дома – шьёт и шьёт.

Работящая семья портняжек в диссонансе с «летуном» Колькой, зарабатывающим, как советский инженер (при перевернутой экономической жизни надо много учиться, чтобы мало получать).

tives slept little.

– You beast!

Epitaph.

You didn't turn off the gast ... – But then Valya understood. And she screamed. The mother-in-law grabbed her heart.

And she should raise her granddaughter. The daughter was not captured – apparently, she is still asleep in her innocent sleep before life without a father. And they won't take her to the cemetery.

Father-in-law went to Kolka, turned him over on his back.

The first meaningful actions.

He cried, pitying himself (?)

And his fair-haired forelock was crumpled and fell on the side.

His forelock lives its own life and got unstuck.

The father-in-law shook Kolka, opened his eyelids with his fingers ... And put the body back in its previous position: "It is necessary ... to call for ... the police."

The conscientious father-in-law carried out resuscitation measures as best as he could. And he did not interfere with the investigation.

Retrospective: psychological autopsy material.

Three years ago the soldier Kolka met the Muscovite Valyusha "in the most idiotic way – without meeting personally. "He sent a photo and a lot of "different words". Having demobilized, he came to his sweetheart, without meeting his mother in the village, and was approved by his new family. It was embarrassing that the soldier had nothing, no specialty (Valya's relatives are all hereditary tailors, and she was a classy dressmaker herself). But they decided that this was a profitable business. And Kolya became a Muscovite.

The beginning of the love story is usual in the age of the Network. It was also typical for the front, but Kolka did not make it there. He was a *primak* in the family of Muscovites (also in the first generation?) – he could have been sculpted as one wanted. But everyone was wrong. According to "family chronology", Kolka was younger than 25.

They began to live with Valyusha, and slowly they turned out to be (and were) completely strangers to each other.

Kolka changed jobs, and everywhere ("if you want, live, or if you want, strike") he could only make 100-120 rubles. He remained a loader in the trading network.

Frequent change of civil service ("detun") is frowned upon. And what for. He became a loader (not ashamed – a proletarian) in the trade network, that is, a semi-proletarian. What the hard-working and skillful Valya wanted besides earnings – we do not know. So he let it go".

And Valye who worked as a telegraph op-

Через год брака народилась дочка Нина, хорошенькая, круглолицая, беленькая.

Первенец в законном браке и в положенный срок. Дети вряд ли правят разлаженные отношения. И всё чувствуют.

Все свободное время он «должен был отдавать ей: скупая Валя не наняла старушку гулять с девочкой».

Скупость, Колькиными глазами вертопраха, – синоним домовитой бережливости. Обычное дело сегодня – малоуспешный муж берёт отпуск по уходу. Большинство советских людей сдавало детей в ясли и детсады, а то и на «пятидневку» – начальную школу характеров.

Колька сажал дочку на скамеечку во дворе, играл ей на гармошке и пел, привычно кривляясь: «Моя мечта не струйка дыма, / Что тает вдруг в сиянье дня».

Новая-старая песня о главном. Танго Г. Виноградова «Люблю». Кривляние привычно закрывает внутренний раздрай. Колькино фиглярство – протест вымороженности городской жизни. Туман сгущается.

Пока же: «Плевало время на меня – теперь плюю на время я». *А. Вознесенский*

Дочка смеялась, а Кольке впору было заплакать злыми, бессильными слезами.

Слезы – впереди.

Он бы и уехал в деревню, но как подумает, что лишится дочери, так...

У «понаехавшего» кооператив, сон для многих коренных. Ребенок стал слабоватой скрепой.

Нет, это было выше сил, будь они хоть трижды сибирские – крепкие, способные вынести много. Всё что угодно, только не это.

Внутренняя борьба без исхода, безнадежна. Колька сел крепко на мель. Побег – возможен только домой. Но возвращение – поражение. И дочь – повод остаться. А материальное благополучие червоточину прикрывает.

Горе началось с того, что Колька скоро обнаружил у жены «огромную, удивительную жадность к деньгам». Он попытался воздействовать на неё, но получил железный отпор.

«Жадность к деньгам» («дорогие занавеси») – известный совковый грех. Зарабатывать хорошо – стыдно. То ли нищая деревня, доведённая до края беспредельщиками и горлопанами из ревкома.

«У нас в деревне и то бабы не такие жадные» ... – «Заткнись со своей деревней, – советовала Валя. – Ехай туда, кому ты здесь нужен!»

И вправду. Жена «вроде как» готова дать вольную. И прогонные до Парижа (есть такой, поближе Сибири, на Урале). Не уезжает из протеста и жизненной пассивности. Нарастают отчаяние, ощущение тупика при неразвитых когнитивных способностях (неспособность выстраивания альтернатив).

«Ну и влип... – терзался изумлённый Колька. –

erator and made up to 300 rubles, she worked for a day and had two days off to sew for extra clients.

After a year of marriage, a daughter, Nina, was born, pretty, chubby, and white.

He “had to give all his free time to her: the stingy Valya did not hire the old woman to walk the girl.

Kolka put his daughter on a bench in the yard, played his accordion and sang, with his habitual contortion: "My dream is not a trickle of smoke, / That suddenly melts in the radiance of the day."

New-old song about the main thing. Tango G. Vinogradov "I Love". Grimaces typically hide the inner discord. Kolka's grimacing is a protest of the confusion of city life. The fog is getting thick.

In the meantime: "The Time spat on me – now I spit on time." *A. Voznesensky*

His daughter laughed, and Kolka was just about to cry in angry, powerless tears.

Tears are ahead.

He would have gone to the village, but when he thinks he will lose his daughter...

The "new-comer" has a cooperative, a dream for many indigenous people. The child has become a rather weak bond.

No, it was beyond his strength, even if they were three times Siberian – strong, capable of enduring a lot. Anything but this.

An internal struggle with no end, hopeless. Kolka ran aground. To escape he can only return to his home in the village. But returning is a defeat. And the daughter is a reason to stay. While material well-being covers the hole.

The problems began when Kolka discovered that his wife is "hugely, amazingly greedy for money." He tried to influence her but received an iron rebuff.

"Greed for money" ("expensive curtains") is a well-known soviet sin. It's a shame to make good money. Either a poverty-stricken village, driven to the brink by outlaws and bawlers from the Revolutionary Committee.

"In our village, even the women are not as greedy" ... – "Shut up with your village," advised Valya. – Go there, who needs you here! "

Indeed. His wife is ready "to give him free rein". And even pay for his trip to Paris (there is one, closer to Sibirea, in the Ural mountains). He does not leave because of his protest and life passivity. Despair grows, as does a sense of a dead end with undeveloped cognitive abilities (inability to build alternatives).

"Well, I am stuck..." the astonished Kolka was tormented. – And how seriously".

He – a cool guy – even though he comes from a "village", "he could have never guessed that destiny would play such a trick with him."

Как влип!»

Разочарование полное. Душа вольная томится и про-
сится на простор. «...была жажда жизни, а ему казалось,
что это хочется выпить» *А. Чехов*

Он, парень не промах, хоть и «деревня», «сро-
ду не чаял и не гадал, что судьба изобразит ему та-
кую колоссальную фигу».

Разочарование. Ждал от жизни иного счастья. Какого?

В армии много думал, как будет жить: закон-
чит вечернюю школу ...

Было время – думал. Мечты разбились о быт. Хотя ве-
черние школы и в столице.

И, в-третьих, и в-четвёртых – все накрылось.

Ощущение тотального поражения.

Полгода назад приезжала мать Колькина, Валя
приняла её вежливо, но мать лишней раз боялась
ступить по квартире, внучку на руки взять... Коль-
ка искажился, глядя на мать. «Хорошо живёшь-то,
сын, хорошо ... И живи. Она бабочка-то ниче, с
карактером, правда, но такая-то лучше, чем размаз-
ня кака-нибудь».

Хата богата – супруга упруга.

«Хозяйка. Живите с богом».

Мать видела, что хотела видеть, а Колька не жалоб-
щик. Мужик. О его семье – более ничего.

Когда супруги после её отъезда поругались из-
за чего-то, Валя куснула мужа в больное:

«Что же мамочка-то твоя?.. Приехала и сидит, как...
это... Ни обед ни разу не сготовила, ни с внучкой не погу-
ляла... Барыня кособокая». Нет большей обиды мужу –
сказать плохо о его матери и усомниться в мужской силе.

Колька впервые тогда шваркнул жену по за-
гривку.

Первый эпизод физической агрессии.

Она, ни слова не говоря, умотала к своим.

Хорошо, коли можно разделить на время. Ребёнок в
залоге.

Колька взял Нину, пошёл в магазин, выпил,
пришёл домой и стал ждать.

Пьяненький Шукшин как-то забыл дочь на улице и
швырял в жену топором.

И когда явились тесть с тещёй, вроде не так
тяжко было толковать с ними.

«Все эти страшные слова: сноха, свекровь,
Свекор, теща, деверь, зять и, Боже мой, золовка
– Слепые, хриплые, тут ни при чем любовь,
О ней, единственной, и вспоминать неловко».

А. Кушнер

«Ты – за рукоприкладство-то – в один миг вы-
летишь из Москвы. Нашёлся!.. Для тебя мы её ро-
стили, чтоб ты руки тут распускал?! Не дорос! С
ней вон какие ребята дружили, инженеры, не тебе
чета... – Кретин! Сволочь! – А вот мы сейчас мили-

Disappointment. He expected another type of
happiness from life. Which one?

While in the army, he thought a lot about
how he would live: he would graduate from
evening school ...

And, thirdly, and fourthly, everything was
ended.

Feeling of total defeat.

Half a year ago Kolka's mother came, Val-
ya welcomed her politely, but his mother was
afraid to walk through the apartment or take her
granddaughter in her arms if there were no par-
ticular reason... Kolka got distorted looking at
his mother. "You live well, son... And keep
living. Your wife is a niche butterfly, with a
character, it's true, but such woman is better
than some kind of slob".

"She is the hostess. Live with God".

Mother saw what she wanted to see, but
Kolka was not a complainer. A real man. Nothing
bad to say about his family.

When the couple quarreled over something
after her departure, Valya bit her husband in the
sick:

"And your mother?.. Came and sat, like ...
this ... She never cooked dinner, nor did she go for
a walk with my granddaughter... Madam Lopsid-
ed." There is no greater offense to a husband rather
than to say bad things about his mother and to
doubt his masculine power.

Kolka then slapped his wife on the back of
the neck for the first time.

First episode of physical aggression.

Without saying a word, she drove off to
her parents'.

It's good, if you can split up for a while.
The child is pledged.

Kolka took Nina, went to the store, drank,
came home and waited.

And when the father-in-law and the moth-
er-in-law appeared, it seemed that it was not so
difficult to talk with them.

"You, for assault we will kick you out of
Moscow in an instant. Do you think we will al-
low you to beat her?! Not mature enough! What
kind of guys were friends with her, engineers,
you're not a match... – You idiot! You bastard! –
But wait, we'll call the police!.. – You live on
everything ready-made, and even more!.. Bas-
tard! – You filthy hunger! – You cretin!

Speech streams, rather – large drops of a
gathering thunderstorm, are akin to tragedys. A
mixture of a borrowed set of witticisms, vulgarities,
insults with the inclusion in the "transcript" of
a silent chorus – witnesses to the drama outside the
apartment. "Cretin" is a favorite word from them
(just came from the medical vocabulary?). Re-
proaches for being a parasite. Threats without
execution. The mockery is helpless.

His daughter Nina began to cry.

цию вызовем!.. – Живёт на всё готовенькое, да ещё!.. Сволочь! – Голодранец поганый! – Кретин!

Речевые потоки в стенограмме вражды – крупные капли собирающейся грозы, сродни трагифарсу. Смесь заёмного набора острот, пошлостей, оскорблений с включением в «стенограмму» молчаливого хора – свидетелей драмы у подъезда. «Кретин» – любимое (только пришедшее из медицинского лексикона?) слово «их» стороны. Упреки в дармоедстве. Угрозы без исполнения. Издёвка беспомощна.

Дочка Нина заплакала.

Типовая детская травма.

Колька побелел, схватил топорик, каким мясо рубят, пошёл на тестя, на жену и на тещу. Негромко, но убедительно сказал: – Если не прекратите орать, я вас всех, падлы... Всех уложу здесь!

Второй раз поднять руку легче. Угрозы не шуточны. Но разрядили до поры обстановку.

С того раза поняли супруги Паратовы, что их жизнь безнадежно дала трещину.

Пройдена точка невозврата. Кульминация. Затем консервация конфликта.

Сделали вид, что обоим стало вольнее. Валя уходила вечерами. «Куда это?» – спрашивал Колька, прищипывая боль зубами.

Прикусывает (вариант несуйцидального самоповреждения) психалгию, коли нельзя запить. Любви нет, но ревность – её бледная сестра.

Спали, впрочем, вместе.

В постели с врагом.

«Ну как заказчики?», – интересовался ночью Колька, и похлопывал жену по мягкому телу, и смеялся – не притворялся, действительно смех брал, правда, нервный какой-то смех.

И смех, волшебный алкоголь,

Наперекор земному аду

Звеня укачивает боль...

Саша Черный

«Дурачок, – спокойно говорила Валя. – Не думай – не из таких».

Незлая Валя полагает, что нужно оправдаться. Хуже только молчание.

«Вы не из таких – соглашался Колька, – «вы из таковых»».

Ложки нашлись – осадок остался. Механический повтор потенциально взрывоопасных слов, за ними – взаимное отчуждение.

По воскресеньям втроем ездили на ВДНХ.

Золотые времена будущей барахолки и ВВЦ. Семьями в выходные. Или на футбол.

Колька брал шашлыки, хорошего вина, конфет дочери...

Вино выделяет выходные вместе. Деньги есть, и жене на это не жалко.

Typical childhood trauma.

Kolka turned white, grabbed an ax with used to chop meat, went to his father-in-law, his wife and mother-in-law. Quietly, but convincingly, he said: "If you don't stop yelling, I'll kill all of you, bastards... I'll put everyone down here!"

Raising your hand the second time is easier. The threats are no joke. But they defused the situation for the time being.

From that time on, the Paratovs understood that their life had hopelessly cracked.

The point of no return has been passed. The climax. Then the conservation of the conflict.

They pretended that both were freer. Valya left in the evenings. "Where are you going?" - asked Kolka clenching his teeth in pain.

He bites psychoalgia (a variant of non-suicidal self-harm), since he cannot drink. There is no love, but jealousy is her pale sister.

They slept, however, together.

In bed with the enemy.

"Well, how are the customers?" - Kolka asked at night, and patted his wife on the soft body, and laughed – he did not pretend, he really did want to laugh, however, some kind of nervous laugh.

And laughter, this magic alcohol,

Contrary to earthly hell

Its jingling makes the pain go away ...

Sasha Chernyi

"You fool," Valya said calmly. "We are not of those people."

Kind Valya believes that one needs to justify themselves. Only silence is worse.

"You are not one of those," agreed Kolka, "you are one of such".

The spoons were found – the sediment remained. Mechanical repetition of potentially explosive words, followed by mutual alienation.

On Sundays, the three of them went to the Exhibition of Achievements of the National Economy.

Golden times of the future flea market and All-Russian Exhibition Center. Families on weekends. Or soccer.

Kolka took meat kebabs, good wine, sweets for his daughter's...

Wine glues the weekend together. There is money, and my wife is not sorry to spend it like that.

Furtively glances at his wife: "What are we doing? What are we doing, two fools?! We can live well. After all, others can! "

Facade well-being. Attempts at reconciliation and hope.

Kolka stood idle for a long time in front of tractors, seeders, mowers ... Thoughts jumped to his native village, and the soul began to ache.

He lives in the wrong place: "the wrong per-

Украдкой взглядывал на жену: «Что мы делаем? Что делаем, два дурака?! Можно же хорошо жить. Ведь умеют другие!»

Фасадное благополучие. Попытки примирения и надежды.

Колька подолгу простаивал перед тракторами, сеялками, косилками... Мысли перескакивали на родную деревню, и начинала болеть душа.

Живёт не так и не там: «неправильный человек в неправильном месте». Деревня идеализирована – как в мечтах красноармейца Ф. Сухова, невольника долга и пустыни.

Понимал, как живёт – что-то очень нелепое, постыдное, мерзкое... Руки отвыкли от работы, душа высыхает – бесплодно тратится на мелкие, мстительные, едкие чувства. «Да что же?! Оставляют же детей! Виноват я, что так получилось?»

Винить себя – трудно. Отломался от честной жизни.

Пить научился с торгашами.

Последнее дело, то ли – с пролетариями.

Поработать не поработают, а бутылки три-четыре «раздавят» в подвале (к грузчикам ещё пристегнулись продавцы – мясники, здоровые лбы, беззаботные, как колуны).

Мясники – элита торгового мира. Колун дома превратится в топорик.

И чтобы не вглядываться в отвратительное «дальше», начинал думать о деревне, матери, реке... на работе, дома, днём, ночами. И ничего не мог придумать, только травил душу, и хотелось выпить.

Безвыходность бытия и истощающая для непривычного ума череда («жвачка») однообразных мыслей. Он думал, что это жажда жизни – а это жажда выпить. *А. Чехов*

Суицидогенез: хроника широко заявленной смерти.

Отдельно взятая, страна едва жива.

Блок умер. Выжили дремучие слова:

Свекровь, свояченица, кровь, сноха, эпоха.

А. Кушнер

«Мы не знаем доподлинно, почему совершают суициды», – признавался классик суицидологии Э. Шнайдман, а З. Фрейд предлагал уклониться от окончательного вывода, поручив это клиническому опыту. Видимо, взамен недостижимо абсолютной истины, выстраивается череда «более или менее истинных» истин.

Чем менее знаешь человека – тем загадочнее суицид-продолжение и концовка судьбы как жизнетворчество.

Однако в московской и далее везде «напрасных смертях» более типичного, чем особенного.

Непреходящее годами антивитальное настроение с всё более редкими сполохами шальной

son in the wrong place." The village is idealized – as in the dreams of the Red Army soldier F. Sukhov, a slave to duty and the desert.

He understood how he lived – something ridiculous, shameful, disgusting ... His hands lost the habit to work, his soul dries up – wasted fruitlessly on petty, vindictive, caustic feelings. "But what?! Others leave their children! Am I to blame for what happened?"

It's hard to blame yourself. Broke off from an honest life.

He learned to get drunk with the hucksters.

It is the last thing to do, not compared to get drunk with the proletarians.

They won't work, but three or four bottles will be drunk in the basement (sellers – butchers, healthy, carefree, like cleavers – joined the loaders).

The butchers are the elite of the trading world. The cleaver at home will turn into an ax.

And in order not to peer into the disgusting "further", he began to think about the village, his mother, the river ... at work, at home, during the day, at night. And he could not think of anything, only poisoned his soul in the desire to get drunk.

Suicidogenesis: A Chronicle of a widely reported death.

"We do not know for certain why they commit suicides," admitted the classic of suicidology E. Schneidman, and Z. Freud suggested evading the final conclusion, entrusting this to clinical experience. Apparently, instead of the unattainable absolute truth, a series of "more or less true" truths is being built.

The less you know a person, the more mysterious is the continuation of suicide and the ending of one's destiny as life-creation.

However, in Moscow and other 'unnecessary deaths' there are more typical rather than special features.

The anti-vital mood that persists over the years with increasingly rare flashes of crazy hope is explainable by a chronic psychotraumatic situation (microsocial conflict [1]) actualized by psychophysical exhaustion in household drunkenness (like chronic suicide), which for the time being played the role of maladaptive reconciliation with unresolved family relationships.

Sasha was shaking. Maybe that's why he felt so acutely offended that morning that lately he had settled down to live well, peacefully, forgot even when he got drunk ... *V. Shukshin "The Insult"*

The unstable work profile of Kolkata-bleweed is a marker of the adverse effects (ICD-10) of alcohol consumption. Distress is manifested by prominences of negative emotions, verbal and physical aggression in the

надежды объяснимо хронической психотравмирующей ситуацией (микросоциальным конфликтом [1]), актуализируемым психофизическим истощением в бытовом пьянстве (как хронический суицид), до поры игравшем роль дезадаптивного совпадения с неразрешимыми неприязненными семейными отношениями.

Сашку затрясло. Может, оттого он так остро почувствовал в то утро обиду, что последнее время наладился жить хорошо, мирно, забыл даже когда и выпивал... В.Шукшин «Обида»

Маркером неблагоприятных последствий (МКБ-10) употребления спиртного служит неустойчивый трудовой профиль Кольки-перекати поля. Дистресс проявлен протуберанцами отрицательных эмоций, вербальной и физической агрессией в семье («ближние – враги твои»). Неспособность найти жизненные цели и смыслы (рационального решения проблем) провоцирует фрустрацию потребности счастья, усиливает и обостряет суицидальный риск [2].

Семейная лодка разбилась о быт. Гордиев узел ошибок, «мелких, мстительных, едких чувств, суда памяти внезапно (для героя и читателей) разрублен, как положено, брутально просто. Самоубийство видится незрелой дуростью, протестом, последним доводом в споре с «чужой родней».

... тут ни при чём любовь, о ней, единственной, и вспоминать неловко. / ... С какою радостью, когда умру, забуду! / Глядят, дремучие, в непроходимый мрак, / Где душат шепотом и с криком бьют посуду». А. Кушнер

Конфликт классово заострён в «Чужой родне» (к/ф СССР, 1955): спаянная семья крепкого одиночника против затесавшегося в их ряды механизатора-ударника. Родня Кольки-примака, труженики и накопители, рангом ниже (и дым пожиже) шукшинских «энергичных людей».

Жизнь обернулась заколдованным кругом, за его пределами – недостижимое Беловодье, легендарная земля свободы («вот моя деревня...») или лёгкая скорая гибель. Сюжет жизни – закончен, событийный ряд ускоряется. Колька в водовороте, цугцванге беды. Картинка классического образца сценична в единстве времени и места. Чужой дом с просторной прихожей-двором. На всё про всё – острый предсуицид – пара часов отсилу.

Субботняя трагедия могла случиться неделей ранее – днём позже. В злобной тоске, отказавшись от дополнительного рауш-наркоза, мечется («подметает») в камере-одиночке и «как бы» вдруг (импульсивно) находит выход.

family (“your neighbors are your enemies”). The inability to find life goals and meanings (rational problem solving) provokes frustration of the need for happiness, increases and exacerbates suicidal risk [2].

The family boat crashed over everyday life. The Gordian knot of mistakes, “petty, vengeful, caustic feelings, the judgment of memory was suddenly cut (for the character and the readers), as expected, brutally simple. Suicide is seen as an immature stupidity, protest, the last argument in a dispute with “the in-laws.”

... it has nothing to do with love, about it, the only one, and it's embarrassing to remember. / ... With what joy, when I die, I will forget! / They look, dense, into the impenetrable darkness, / Where they choke with a whisper and beat the dishes with a cry. " A. Kushner

The class conflict is sharpened in "The Alien Kin" (film USSR, 1955): the bonded family of a strong individual farmer versus a mechanic shock-worker who was clinging to their ranks. Relatives of Kolka the Primak, workers and collectors are of a lower rank compared to Shukshin's "energetic people".

Life turned into a vicious circle, and beyond it there is the unattainable semi-mythical Belovodye ("this is my village ...") or an easy quick death. The plot of life is finished, the series of events is accelerating. Kolka is in a whirlpool, zugzwang trouble. A classic picture is scenic in the unity of time and place. Someone else's house with a spacious entrance hallway. In his acute pre-suicide he only has a couple of hours to finish.

The Saturday tragedy could have happened a week earlier or a day later. In spiteful melancholy, having given up additional raush-anesthesia, he rushes about (“sweeps up”) in a solitary cell and “as if” suddenly (impulsively) finds a way out.

On the third day the Eagle Eye discovered that one of the prison walls had collapsed. *An old joke*

Leaving (fleeing) to Paris, a symbol of unattainable prosperity and elite ("I can never match her – she was in Paris" by V. Vysotsky). It is impossible to go to the moon, which is not accessible to the inhabitants of heaven – the Soviet cosmonauts – so I will personally write out a one-way ticket to the better world.

The model of narrative suicidal crisis [3] indicates the relationship of distal risk factors for SB (traits of personal suicidal predisposition, according to A.G. Ambrumova [1], in the form of impulsivity, alcohol consumption with harmful consequences, adverse (stressful) life events as a trigger acute presuicidal state [3, 4].

Орлиный Глаз на третий день обнаружил, что стена тюрьмы рухнула. *Старый анекдот*

Уехать (сбежать) в Париж, символ недостижимого благоденствия и избранности («куда мне до неё – она была в Париже» у В. Высоцкого). Нельзя на Луну, не доступную небожителям – советским космонавтам – самолично выпишу билет в один конец на тот свет.

Модель нарративного суицидального кризиса [3] указывает взаимосвязь дистальных факторов риска СП (черты личностной суицидальной предрасположенности, по А.Г. Амбрумовой [1], в виде импульсивности, употребления спиртного с вредными последствиями, неблагоприятных (стрессогенных) событий жизни как спускового крючка острого пресуицидального состояния [3, 4].

Суицидальный «колький» нарратив включил главки сорванной социальной принадлежности (отчуждение¹: «одиночество в глумящейся толпе»), обременённости (несбыточная мечта быть социально значимым), социального поражения, страха унижения («страх стыда»), неспособностью переключиться на альтернативные (болеидостижимые) жизненные цели, напряженное ощущение западни, «тупика». Острый (несколько часов) суицидальный нарратив запустил невыносимо мучительный, острейший (минуты) когнитивно-аффективный синдром суицидального кризиса в виде ажитации («не находит себе места») и потери когнитивного контроля с руминацией непродуктивных мыслей [3]. Суицидальный кризис зиждется на почве личностной уязвимости, ненадёжной привязанности, сорванной социальной принадлежности в отсутствии неформальной поддержки [4], усугублен неспособностью отклониться от негативного шаблона (ригидность): «ловушка без шанса на побег» при бессилии избежать социального поражения и / или унижения («страх стыда»).

Шкала синдрома суицидального кризиса SCS [5] укажет высокую выраженность суицидального риска. Обстоятельства, в большей мере, чем смертельный исход, указывает намерение суицида: груз неразрешимых проблем, агрессивность, безнадежность, алкогольное опьянение (сопровождает 60% суицидов мужчин), минимизация возможности сторонней помощи без детального планирования. Не

The suicidal "Kolka's" narrative included chapters of torn social belongingness (alienation: "loneliness in a mocking crowd"), burdensomeness (the unrealized dream of being socially significant), social defeat, fear of humiliation ("fear of shame"), inability to switch to alternative (painfully achievable) goals in life, a tense feeling of a trap, a "dead end". Acute (several hours) suicidal narrative triggered an unbearably painful, acute (minutes) cognitive-affective syndrome of suicidal crisis in the form of agitation ("out of place") and loss of cognitive control with rumination of unproductive thoughts [3]. The suicidal crisis is based on personal vulnerability, insecure attachment, torn off social belonging in the absence of informal support [4], exacerbated by the inability to deviate from a negative template (rigidity): "a trap without a chance to escape" with powerlessness to avoid social defeat and / or humiliation ("fear of shame").

The SCS Suicidal Crisis Syndrome Scale [5] will indicate a high severity of suicidal risk. Circumstances, to a greater extent than death, indicate the intention of suicide: a load of insoluble problems, aggressiveness, hopelessness, alcohol intoxication (accompanies 60% of male suicides), minimization of the possibility of outside help without detailed planning. No more than ¼ of the victims of suicide leave farewell notes, little informative and disturbing the souls of the living ("survivors"): "Why", but indicating the seriousness of the intention.

Among the few common types of suicide [6], men often choose self-improvement, which requires a certain amount of preparation and determination [7]. However, "deliberate self-poisoning with household gas" (ICD-10, X67) – requires the same, and the delay in death allows you to interrupt the attempt at any stage.

Chronically depressed Sylvia Plath (30) in the early morning left a note to a neighbor asking to call a doctor. She closed the door to the children, sealed the cracks with wet towels, took a large dose of sleeping pills, turned on the gas and stuck her head into the stove.

Under the weight of the blows of fate, Hurstwood "took off his tattered jacket and capped a large gap under the door with it. The vest served the same purpose. ... he waited a minute, not thinking about anything, but simply hesitating, then he opened the tap again, but did not bring the matches to the horn. So he stood, shrouded in merciful darkness, and gas quickly filled the room. When the disgusting odor reached Hurstwood's sense of

¹ Некий полубезумный поэт ночевал по очереди у доброхотов. Появился у очередных в крайнем волнении: «На вывеске у дома, вдумайтесь, написано ужасное: «ОТДЕЛЕНИЕ связи» / A half-mad poet spent the night in turns at different people. On his way to some of them he showed up in extreme excitement: "On the sign near the house, just think about it, it says terrible: "Connection OFFICE. "

более ¼ жертв суицида оставляют прощальные записки, малоинформативные и бередящие души живых («выживших»): «Почему», но указывающих серьёзность намерения.

Среди немногих распространённых видов суицида [6] мужчины чаще выбирают самоповешение, невозможное без подготовки и решимости [7]. Однако «преднамеренное самоотравление бытовым газом» (МКБ-10, Х67) – требует того же, причём отставленность смерти позволяет прервать попытку на любом этапе.

Хронически депрессивная Сильвия Плат (30) ранним утром оставила записку соседу с просьбой вызвать врача. Закрывает дверь к детям, загерметизировала щели мокрыми полотенцами, приняла большую дозу снотворного, включила газ и сунула голову в плитку.

Герствуд под гнётом ударов судьбы, «Сняв рваный пиджак, законопатил им большую щель под дверь. Жилет послужил для той же цели. ... выждал минуту, ни о чём не думая, а просто колеблясь, потом снова открыл кран, но не поднёс спички к рожку. Так он стоял, окутанный милосердным мраком, а газ быстро наполнял комнату. Когда отвратительный запах достиг обоняния Герствуда, он ошупью нашёл койку и опустился на неё. «Стоит ли продолжать?» – чуть слышно пробормотал он и растянулся во всю длину. Т. Драйзер «Сестра Керри»

Бифуркация сюжета колькиной жизни: если бы... Топорик не отброшен взамен венику. Избил (покалечил слегка) жену на глазах любимой дочери. В слезах сдался (вызвав «скорую» и милицию) участковому (как водится, пропустил в отчётах внешне благополучную семью); стал сучкорубом в ИТК («мужиком»), а то – выучился на бульдозериста; освобожден досрочно и уехал (из колонии ближе домой, чем в вертеп столицы) к уж не чаявшей увидеть блудного сына матери (всё поняла – простила). Там его привечает соседка-брошенка +2. С Валей развод ещё в СИЗО без проволочек. Воспитывает её детей, забыв своего (мужчина любит того, кто рядом). Гордая Валя замужем (помосковски, «второй раз – первый»), ждёт ребенка (дочка просит братика) от непьющего техника маслозавода; от алиментов брезгливо отказалась.

В солдатах просто и понятно. И враг далеко – известен на мишени.

Письмо колхозника-новобранца: «здесь как санаторий. Подъём аж в шесть утра». Из *Сети*

Мог бы остаться на сверхсрочную или вернуться домой, уехать на комсомольскую стройку (целину) как Иван Бровкин (читатели-сеньоры такого помнят).

smell, he groped for the bunk and sat down on it. "Should I continue?" - he muttered barely audibly and stretched out to its full length. Т. Драйзер "Sister Carrie"

The bifurcation of Kolka's life plot – what if... The ax was not thrown away like the broom. He beat (crippled slightly) his wife in front of his beloved daughter. In tears, he surrendered himself (having called an ambulance and the police) to the district police officer (as usual, he missed an outwardly prosperous family in the reports); he became a knottier in a penitentiary complex ("a real man"), or maybe he learned how to operate a bulldozer; he was released ahead of schedule and came back to his mother (the colony is closer to home rather than to the vicious capital), who did not expect to see her prodigal son (she understood everything and forgave him). There he meets an abandoned neighbor with 2 children. The divorce with Valya was complete while in jail without delay. He raises the neighbor's children having forgotten his own (a man loves the ones who are near). Proud Valya is married (in Moscow, "the second time – the first") and expecting a child (daughter asks for a brother) from a creamery technician who doesn't drink alcohol; she refused alimony with disgust.

The soldiers life is simple and understandable. And the enemy is far away and known on the target.

A letter from a rookie collective farmer: "It is like a sanatorium here – they wake up as late as six in the morning." *From the Net*

He could have stayed in the army or returned home, or gone to the Komsomol construction (the new lands) like Ivan Brovkin.

The story is destiny.

"He was amazingly, piercingly truthful – both in books, and in films, and in life ... "

V. Nekrasov

"Best of all" he writes exactly what he knows: illogical strange strange soul "

L. Anninsky

The issues of death and loss of meaning are especially relevant in times of doubt and unbelief.

Art always ... reflects on death and incessantly creates life through this. *B. Pasternak "Doctor Zhivago"*

It's only the beginning.

The "Parisian" story – a therapeutic mirror and self-therapy – was written three years before the timeless/timely death of V.M.

"A man dies when he is ready." *S. Dovlatov*

In the 1960s Shukshin undertook to rule life by the power of art [for example, 8].

"...The art in all ages has closely examined

Рассказ-судьба.¹

«Он был изумительно, пронзительно правдив –
и в книгах, и в фильмах, и в жизни...»

В. Некрасов

«Лучше всего «пишет именно то, что знает:
нелогичную странную чудную душу»

Л. Аннинский

Вопросы смерти и утраты смысла особо актуальны во времена сомнений и неверия.

Искусство всегда ... размышляет о смерти и неотступно творит этим жизнь. *Б. Пастернак «Доктор Жеваго»*

То ли ещё будет.

«Парижский» рассказ – терапевтическое зеркало и аутотерапия – писан за три года до безвременной / своевременной смерти В.М.

«Человек умирает, когда готов». *С. Довлатов*

В 1960-х гг. Шукшин взялся было править жизнь силой искусства [например, 8].

«... искусство во все века пристально рассматривало смятение души и – обязательно – поиски выхода из этих смятений, этих сомнений» «Если бы знать...». *В.М. Шукшин. Интервью газете «Правда», 1974.*

И закономерно проигрывает. В поздней прозе вымерли как додо фирменные безобидные «чудики» (горе-изобретатели, мечтатели-мифоманы), беда созависимых верных жён. На смену теряющей ориентиры выдохшейся страны – маргинализированные звероватые типы, голодные до любви и риска.

На «пустоту души нынешнего самоубийцы» сетовал ещё Ф. Достоевский.

Война под крышей друга нашего, Кольки, тлет у персонажей «Волков», «Мой зять украл машину дров!», «Суда».

Вопрос, ошарашенного шипами жизни Сашки («Обида»): «Что такое творится с людьми?».

В.М. застрял на перепутье, переполненный экзистенциальным отчаянием вынужденно трезвого (его тень в «Суде»).

Жалко всех.

«В переулке, где мы отлюбили,

Тишины стало больше и мглы.

Постояли, пожили, побыли,

Разошлись за прямые углы». *А. Дидуров*

Рассказы не без деталей бытоописателя-деревенщика, но позиция автора «остранена». У В.М. иллюзий деревни советской (поглядел бы на нынешнюю) и веры в новых пейзаж нет. Дикость

the confusion of the soul and – necessarily – the search for a way out of these confusion, these doubts" "If only I knew ...". *V.M. Shukshin. Interview to the newspaper "Pravda", 1974.*

And naturally it loses. In late prose, harmless "freaks" (would-be inventors, dreamers-mythomaniacs), the trouble of codependent faithful wives, died out as dodos. To replace the exhausted country losing its bearings marginalized brutal types, hungry for love and risk have emerged.

Fyodor Dostoevsky complained about the "emptiness of the soul of the present suicide attempters".

The same war that is going under the roof of our friend Kolka, smolders with the characters of "Wolves", "My son-in-law stole a firewood car!", "The court".

The question of Sashka who was dumbfounded by the thorns of life ("The Insult") is: "What is happening to people?"

V.M. got stuck at a crossroads overflowing with existential despair being forced to be sober (his shadow in "The Court").

Pity for everyone.

"In the alley where we fell in love,

There was more silence and darkness.

We stood, lived, stayed

Dispersed behind the right angles."

A. Didurov

The stories are not without the details of the village writer, but the author's position is "estranged". V.M. There are no Soviet village illusions (I would have looked at the current one) and there is no faith in new peizans. The wildness of rural life is especially intolerable for those who have tasted the easy city life (*Chekhov's "The Men"*). But nature does not know emptiness. The soul is full of suicidogenic excruciating pain (Schneidman's psychoalgia), longing, one cannot get rid of them without losing oneself.

Death or murder ("voluntarily or involuntarily") for the atheists of Shukshin are no riddle. Escape into oblivion is an alternative to prison for murder – the result of doubts.

"This is how it happens ... The man is gone. ... why did they not take away this accursed gift from us – it is always painful and fruitless to try to understand: "Why is that all?" ... It seems that dying is not scary. " *"There was a man"*

In Shukshin's "Characters" we can see the destructive actions of a spontaneous individualist, exploding the existential boredom of life ("boredom – oh, that bitch". *Kerouac*).

¹ «Вот рассказы, какими они должны быть: 1. Рассказ – судьба. 2. Рассказ – характер. 3. Рассказ – исповедь. ... Самое мелкое, что может быть, это рассказ-анекдот. Нет, литература – всё же жизнь души человеческой». *В. Шукшин / Here are the stories as they should be: 1. The destiny story. 2. The character story. 3. The confession story. The smallest thing that may be is a story-anecdote. No, literature is still the life of the human soul.* " *V. Shukshin*

сельской жизни особо нетерпима для вкусившего лёгкой городской жизни (чеховские «Мужики»). Но природа не знает пустоты. Душа полна суицидогенными мучительной болью (психалгия Шнайдемана), тоской, от них не избавиться, не потеряв себя.

Смерть или убийство («хоть воля – хоть неволя») для безбожников Шукшина – без загадки. Побег в небытие – альтернатива тюрьме за убийство – итог метаний.

«Вот как бывает... Человека не стало. ... зачем не отняли у нас этот проклятый дар – вечно мучительно и бесплодно пытаться понять: «А зачем всё?» ... Похоже, умирать-то – не страшно». *«Жил человек»*

В шукшинских «Характерах» – разрушительные поступки стихийного индивидуалиста, взрывающего экзистенциальную скуку жизни.

«Скука – ох, уж эта скука». *Дж. Керуак*

Ф. Раневская говорила (или не говорила), что жизнь проплавала в унитазе стилем баттерфляй.

Необузданный анархист Спирька Расторгуев (35, на вид – 25) сгорает ни за что в жерле выдуманной любви («Сураз»). Вулкан огнедышащей стрсти исторгает отраву.

Болезненное перевозбуждение сменит гамма отрицательных эмоций. «Точка пули» предсказуема в конфликте, порожденном характером: любовь зла, эгоистична, жертвенна. И выстрел застаёт свидетеля (читателя) деревенского саспенса врасплох.

Из ощущения бессилия и неволи – освобождение.

В. Шукшин и пособие по суицидологии.

Имя розы: кто есть кто.

Колька Паратов. Мирское имя Паратый от «поратый»: «бойкий, сильный, быстрый». Отсюда у А.Н. Островского говорящая фамилия погубителя «Бесприданницы». В диссонансе – «Колька» для взрослого показывает с первых слов рассказа его безвозрастную малозначительность. «Нюркой так и умру», – замечает простовато-душевная героиня к/ф «Три тополя на Плющихе» (СССР, 1968).

Бесконвойный – заключённый с правом передвижения за пределами зоны без охраны. *Викисловарь*. Он же – неуправляемый, непредсказуемый (*жарг*), что роднит шукшинских лузеров-бузотеров.

Расторгуев – всё на распыл, под откос.

Сураз – незаконорожденный «заугольник» – зачатый «за углом». Не ко времени, случайно, стихийно.

Суицидальное послание как семейное отягощение.

Старший брат вот так-то застрелился. А довела жена родная: чего-то ругались, ругались, до того доругались, что брат стал биться головой об стенку и приговаривать: «Да до каких же я пор буду мучиться-то?! До каких?! До каких?!». Дура жена вместо того, чтобы успокоить его, взяла,

F. Ranevskaya said (or did not say) that life floated in the toilet in the butterfly style.

The unbridled anarchist Spirka Rastorguev (35, looks as if he were 25) burns for nothing in the flames of fictional love ("Suraz"). A volcano of fire-breathing passion spews out poison.

Painful overexcitation will be replaced by a gamut of negative emotions. "Bullet point" is predicate in the conflict generated by the character: love is evil, selfish, sacrificial. And the boom-shooter catches the witness (reader) of the village suspense by surprise.

From a feeling of powerlessness and bondage comes liberation.

V. Shukshin and his guide to suicidology.

The name of the rose: who is who.

Kolka Paratov. The surname Paraty comes from "poraty": "lively, strong, fast." Hence, A.N. Ostrovsky also gives a speaking surname to the "Dowry" murderer. In dissonance the name "Kolka" when used for an adult shows from the first words of the story its ageless insignificance. "I'll die as Nyurka," notes the simple-hearted character of the movie "Three Poplars on Plyushchikha" (USSR, 1968).

Convoyless is a prisoner with the right to move outside the zone without protection. *Wiktionary*. He is also uncontrollable, unpredictable (*жарг*), which makes it related to Shukshin's losers-buzoters.

Rastorguev means everything is sprayed, downhill.

Suraz is an illegitimately conceived "around the corner". Not at the right time, accidentally, spontaneously.

A suicidal message as a family burden.

The older brother shot himself like that. His own wife made it happen: they were arguing about something, cursing, quarreling so much that my brother began to beat his head against the wall saying: "How long will I suffer?! For what?! Until when?!". Instead of calming him down, the foolish wife took it further and even poked him: "Come on, come on ... Stronger! What is stronger – the forehead or the wall? "Ivan grabbed the gun. *Alyosha Convoyless.*

We do not know about the attitude of the younger to the family tragedy, but it helped him to "bargain" for a certain bonus (see below).

Characters as suicidal personality predisposition

If you want to live, you will live if you don't want it, you won't. *V.M. Shukshin "Red viburnum"*

Shukshin grew up withdrawn and proud. Being laughed at he fled away from home. He cured depression "in two ways: the Russian national drink and trips to the homeland ... everyone was afraid that they would do something to them-

да ещё подьелдыкнула: «Давай, давай... Сильней! Ну-ка, лоб крепче или стенка?» Иван сгреб ружьё. *Алеша бесконвойный.*

Не знаем об отношении младшего к семейной трагедии, но последняя помогла «выторговать» ему определённый бонус (см. ниже).

Характеры как суицидальная личностная предрасположенность

Захочешь жить – будешь жить,
не захочешь – не будешь.

В.М. Шукшин «Калина красная»

Шукшин рос замкнутым и гордым. От насмешек бежал подальше от дома. Депрессии лечил «двумя способами: русским национальным напитком и поездками на родину ... все боялись, что что-нибудь с собой сделает. *Ст. Ростокский, кинорежиссер*

Кольку и сотоварищей по несчастью роднит незрелость аффективно лабильной с низкой стрессоустойчивостью личности в экзистенциальном тупике (изумленное колькино: «влип») при слабости когнитивных способностей (выбор альтернативы в типовой стрессогенной ситуации) и защитных факторов (как ответственность перед близкими, социальная перспектива).

По Достоевскому («Дневник писателя»), у русских самоубийц, не чета Вертеру, «даже и тени подозрения не бывает о том, что он называется, а и есть существо бессмертное»: походит, посмотрит и застрелится молча.

Знает ли любезный читатель. У нашего Кольки и иже с ним – родственники за границей. «Люди-гротески» Шервуда Андерсона – отклонены от расплывчатой «нормы» (акцентуанты), неумело ищущие общий язык с обычными людьми, неукорененные в жизни, но отнюдь не клинические безумцы. Причиной тому – «проклятая свинья жизни» (Б. Стругацкий). Депрессивные склонны обвинять обстоятельства, но не корить себя, как немногочисленные меланхолики. Любовь («Брак – хорошее дело так не назовут») для андерсоновских несказочных героев – мутное озерцо унижений и страданий. Найти выход из запутанных (сами их и запутали) обстоятельств не удаётся, бороться за счастье (толстовское «отсутствие несчастья»?) не хватает умения; протест выливается в бурные вспышки, нервные судороги, малопонятные / отвратительные окружающим. Безвольно податливые эмоциональным импульсам, обостренно чувствительны к реальным и выдуманым несчастьям. Их «отклонения» не нечто врождённое, но следствие безысходности вымороченного бытия «Из ниоткуда в ничто»:

«Мои собственные истории, рассказанные и нерассказанные, полны побегами ночью по реке вниз по течению, побегами от создавшегося положения, побегами от скуки...».

selves. *S. Rostotsky, film director.*

Kolka and his comrades in misfortune have in common the immaturity of an affectively labile personality with low stress tolerance in an existential impasse (how Kolka was amazed that he "got stuck") with weak cognitive abilities (choosing an alternative in a typical stressful situation) and protective factors (as responsibility for the family, social perspective) ...

According to Dostoevsky ("The Diary of a Writer"), Russian suicide attempters, unlike Werther, "do not even have a shadow of doubt about what he is called, but he is an immortal being": he walks around, looks and shoots himself in silence.

Did you know. Our Kolka and others like him have relatives abroad. Sherwood Anderson's "grotesque people" are rejected from the vague "norm" (accentuates), clumsily looking for a common language with ordinary people, unrooted in life, but by no means clinical madmen. The reason for this is "the damned pig of life" (B. Strugatsky). They are depressed and tend to blame the circumstances but not themselves, as melancholic people do. Love ("Marriage") for Anderson's untold characters is a muddy lake of humiliation and suffering. It is not possible to find a way out of tangled circumstances (they themselves have confused them); they lack skills to fight for happiness (Tolstoy's "absence of unhappiness"?); their protests result in violent outbursts, nervous convulsions that are obscure / disgusting to others. They are weak-willed to emotional impulses, are sharply sensitive to real and imagined misfortunes. Their "deviations" are not something innate, but a consequence of the hopelessness of an extinct life "From Nowhere to Nothing":

"My own stories, told and untold, are full of escapes at night along the river downstream, escapes from the situation, escapes from boredom ...".

Loneliness (broken connections) as a social risk factor for suicide.

Shukshin's characters, with a facade of excessive sociability, are not capable of deep and stable trusting relationships, they do not understand themselves (tend to be extrapunitive) and those around them, are far from recognizing the need for outside help.

It is especially dangerous to mix alcohol with loneliness. *Faulkner*

Kolka and others are not rooted.

"Where are those elms, under which we played in childhood? They are not here, and they never were." *N.G. Pomyalovsky*

The social outcast's efforts to preserve the self are tragic.

"Why is everything not mine." *Kobo Abe "Red Cocoon"*

Одиночество (нарушенные связи) как социальный фактор риска суицида.

Шукшинские герои при фасадной чрезмерной общительности не способны к глубоким и устойчивым доверительным отношениям, не понимают себя (склонны к экстрапунитивности) и окружающих, далеки от признания потребности в сторонней помощи.

Особо опасно смешивать алкоголь с одиночеством.
Фолкнер

Кольки и прочие – не укоренены.

«Где те вязы, под которыми играли в дестве. Нет и не было». Н.Г. Помяловский

Трагичны усилия социального отщепенца сохранить самость.

«Почему всё не мое». Кобо Абэ «Красный кокон»

Антивитальное настроение как предфаза суицидального процесса [1].

... собственная жизнь вдруг опостылела, показалась чудовищно лишённой смысла. И в этом Спирка всё больше утверждался. Временами даже испытывал к себе мерзость.
«Сураз»

Герои Шукшина легко очистительно и зло плачут. И в последний миг Колька Паратов умыт слезами.

Его тезка

«плакал, уткнувшись в подушку». «Нечаянный выстрел»

Иван шел и молча плакал. Встречные люди удивленно смотрели на него... А он шёл и плакал. И ему было не стыдно. Он устал. «Раскас»

Может, думал, может, плакал... «Сураз»

«Он не замечал, что плачет». «Осенью»

Суицидальная руминация как когнитивный фактор риска суицида. Колька и иные антигероисаморазрушители много, непривычно, до истощения, бесплодно думают, думают, думают в лабиринтах отчаяния.

Душевная боль / русская тоска¹ как клинические факторы суицида.

Грусть-тоска меня съедает, Одолела молодца ...

А. Пушкин

А тебе что, очень тоскливо?

– То есть... на белый свет смотреть тошно.

В. Шукшин «Воскресная тоска»

Мир позднего Шукшина похмельно смутен – томительно нехорош. Похож в этих координатах на сугубо городской-довлатовский. Но без его спаси-

Antivital mood as a pre-phase of the suicidal process [1].

... my own life suddenly became disgusted, seemed monstrously devoid of meaning. And in this Spirka became more and more affirmed. At times he even felt an abomination towards himself.
Suraz

Shukshin's characters cry easily to cleanse themselves or because of being angry. And at the last moment Kolka Paratov washed himself with tears.

His namesake "was crying burying himself in the pillow." *An accidental shot.*

Ivan was walking and crying silently. The passersby looked at him in surprise ... But he kept walking and crying. And he would not be ashamed. He got tired. «Raskas»

Maybe he was thinking, maybe he was crying ... "Suraz"

"He didn't notice that he was crying." "Autumn"

Mental pain/Russian melancholy as clinical factors of suicide.

Sadness and melancholy eat me up,
They defeated the young fellow.

A. Pushkin

Are you very sad?

– Right ... I am sick of looking at the world.

V. Shukshin "Sunday melancholy"

The world of the late Shukshin is hangover confused and painfully bad. It is similar in these coordinates to a purely urban-Dovlatov world.

Philip Tyurin get embraced with bitter consciousness of irreparable mistakes, self-deception, delusions:

"When the wind pierced to the bone, and the soul whined of something, it whined straight being worried ... "Lord, what a void, what pain!" "In the autumn"

"Something heavy and hot rushed to his heart" "Suraz"

It is hard and painful for Kolka (or Sashka or any other brutal marginalized yesterday's freaks and eccentrics): "he doesn't know what to do with himself."

"It was spring, and his heart was cold and bitter"... it was so bad, it hurt under his heart. Such longing and sadness took over him... He almost burst into tears. He wanted to think somehow and could not – he did not think, but his heart only ached and ached painfully. "Raskas"

Let's compare.

"... I was so sad that even one passenger

¹ По Набокову, чувство духовного страдания без какой-либо особой причины. На менее болезненном уровне – неясная боль души, страстное желание в отсутствии объекта желания, болезненное томление, смутное беспокойство. В отдельных случаях это может быть желание кого-либо или чего-либо определённого, любовное томление. На низшем уровне тоска переходит в апатию, скуку. / According to Nabokov, it is a feeling of spiritual suffering for no particular reason. On a less painful level it is a vague pain of the soul, longing desire in the absence of the object of desire, painful longing, vague anxiety. In some cases, it may be the desire for someone or something specific, love longing. At the lowest level, melancholy turns into apathy, boredom.

тельного юмора.

«И смех, волшебный алкоголь,
Наперекор земному аду
Звеня качивает боль...». *Саша Черный*

Филиппа Тюринна охватывает горькое сознание
непоправимых ошибок, самообмана, заблуждений:

«когда «ветер пронизывал до костей, и душа чего-то заску-
лила. Заныла прямо, затревожилась ... «Господи, пустота
какая, боль какая!». «Осенью»

«кинулось тяжёлое, горячее к сердцу» «Сураз»

Тяжко и больно душе» Кольки (Сашки и иных
звероватых маргиналов, вчерашних чудиков, став-
ших «чудаками на букву М», по Егору Прокудину):
«не знает, куда девать себя».

«Стояла весна, и от этого ещё хуже было на душе: хо-
лодно и горько» ... так нехорошо, больно сделалось под
сердцем. Такая тоска и грусть взяла... Чуть не заплакал.
Хотел как-нибудь думать и не мог – не думалось, а только
больно ныло и ныло под сердцем. «Раскас»

Сравним.

«... тосковал так сильно, что даже один пассажир,
пристально поглядев ему в лицо, спросил: «Вероятно, у вас
зубы болят?» А. Чехов «Володя»

*Физическое страдание как фактор риска
суицида.*

Особо – состояния, сопряжённые с ограниче-
нием повседневного функционирования и / или
хроническим болевым синдромом.

Покурил и снова с остервенением стал пытаться прой-
ти на протезе. И снова нет. Нет и нет. Колька матерно вы-
ругался и лег на кровать. Ему бросилось в глаза ружье,
висевшее на стенке, над кроватью... Натруженная култыш-
ка горела огнём, как сплошной нарыв. Колька отстегнул
протез и стал дуть на култышку. Потом, преодолевая боль,
снова пристегнул протез. «Гадина» – сказал Колька и лёг
на кровать. И закрыл глаза, чтобы ничего не видеть. Чья-то
сальная, безобразная морда склонилась над ним и улыбу-
лась поганым ртом. ... «Ах ты гадство», – тихо повторил он.
И снял со стенки ружье ...

Агрессия. Иван (не Ивашка) угрожает руко-
прикладством:

«могу этими же самыми руками так засветить промеж
глаз, што кое-кто с неделю хворать будет. Я не угрожаю и
нечего мне после этого пришивать, што я кому-то угрожал,
но при стрече могу разок угостить». «Раскас»

Спирька пацаном хулиганил, дрался. Пять лет
в заключении за пьяный грабёж. Вернулся таким
же размашисто-красивым, дерзким и «неожиданно
добрым». Он же в психотравмирующей ситуации
агрессивен до самозабвения (суженное сознание).

«... убью тебя, – повторил Спирька, Во рту была ка-
кая-то болезненная мешанина, точно он изгрыз флакон с
одеколоном – все там изрезал и обжёл. – Убью, знай». «Су-
раз»

looking intently into his face asked me: “Probably,
your teeth hurt?” A. Chekhov "Volodya"

*Physical suffering as a risk factor for
suicide.*

Especially serious are conditions associat-
ed with limitation of daily functioning and / or
chronic pain syndrome.

He smoked and again furiously began to try
to get through with the prosthesis. And again, no.
No and no. Kolka swore obscenely and lied down
on the bed. He was suddenly struck by the gun
hanging on the wall above the bed ... The over-
worked stump burned with fire as if it was vesicat-
ed. Kolka unfastened his prosthesis and began to
blow on the stump. Then, overcoming the pain, he
put on the prosthesis again. "Oh shit," said Kolka
and lied down on the bed. He closed his eyes to
see nothing. Someone's greasy, ugly face bent over
him and smiled with a filthy mouth. ... "Oh, you
are disgusting," he repeated quietly and took the
gun off from the wall ...

Aggression. Ivan (not Ivashka) threatens
with assault:

"I can hit one between the eyes with the
same hands, so that someone will be ill for a week.
I do not threaten and you cannot hold me liable
that I threatened someone, but if I have to hit that
would be something to remember". "Raskas"

Spirka was a hooligan and fought a lot as a
kid. Five years in prison for drunken robbery.
He returned sweepingly handsome, impudent and
"unexpectedly kind." Only on a psycho-
traumatic situation, he is aggressive to self-
forgetfulness (narrowed consciousness).

"... I'll kill you," Spirka repeated. There was
some kind of painful mishmash in his mouth, as if
he had gnawed a bottle of cologne – he had cut
everything up and burned it. – I will kill, just know
that. "Suraz"

*Alcoholic excesses as a risk factor and
suicidal equivalent.*

Drunkenness is destructive

This is a disease, a terrible disease that slow-
ly decomposes a person and even brings them to
meanness – this is what makes me most sad...".
N.G. Pomyalovsky (died in delirium tremens)

Half a century ago at the Moscow Medical
Institute the patriarch of the Department of Psy-
chiatry, Associate Professor P.N. Berry wrote a
hardcover book "Beware, Alcohol". The lucky
ones who got to him for the psychiatry exam for
the obligatory "excellent" only needed to say as a
password: "As you rightly noted, alcohol is poi-
son."

And for a while it is a savior (alcohol as an
adaptogen).

If there has been no wine in the world

I would be sick of the world.

And perhaps – Satan is strong! –

I would have gone into trouble.

N. Nekrasov

Алкогольные эксцессы как фактор риска и суицидальный эквивалент.

Пьянство – разрушительно

Это болезнь, страшная болезнь, которая медленно разлагает человека и даже доводит до подлости – я этого больше всего трушу...». *Н.Г. Помяловский (умер в белой горячке)*

В Московском медицинском институте полвека назад патриарх кафедры психиатрии доцент П.Н. Ягодка написал книгу в твёрдом переплёте «Осторожно, алкоголь». Везунчики, попавшие к нему на экзамен психиатрии для обязательного «отлично» лишь молвили как пароль: «Как Вы верно заметили, алкоголь – яд».

И спасительно до времени (спиртное как адаптоген).

Не водись-ка на свете вина

Тошен был бы мне свет.

И, пожалуй – силен сатана!

– Натворил бы я бед. *Н. Некрасов*

Иван самокритично замечает:

«... у меня есть одна слабость: как выпью так начинаю материть всех. Это у меня тоже не укладывается в голове, тверезый я совсем другой человек. А за рулём меня никто ни разу выпимши не видал и никогда не увидит» ... В чайной взял «полкило» водки, выпил сразу, не закусывая, и пошёл домой – в мрак и пустоту. Шёл, засунув руки в карманы, не глядел по сторонам. Всё как-то не наступало желанное равновесие в душе его. *«Раскас»*

Василий Макарович мог две-три недели пить, был агрессивный, буйный ... за 10 лет нашей жизни только раза три, от силы пять, объяснялся мне в любви, да и то – от обиды или ревности. Рождение второй дочери отрезвило окончательно. *Лидия Федосеева-Шукшина, вдова.*

Предупреждающие знаки.

Он не мог больше так жить! Как рассвело, пошёл к фельдшеру просить капсулей. Как-то странно внимательно, с кривой усмешкой посмотрел на фельдшера. Поднялся. Спасибо за капсули. Повернулся и пошёл обратно. *«Нечаянный выстрел»*

Напоминает:

«Слушай, дай ты мне, ради бога, патронов! – попросил он однажды. – У меня кончились. Всё, понимаешь, чудится по ночам, – ходит кто-то по дому! А везде – тихо, как в гробу... Дашь?». И я дал ему штук шесть патронов. «Хватит тебе, – сказал я, посмеиваясь, – отстреляться». *Ю. Казаков «Во сне ты горько плакал»*

Просьба, обращение к другу, «фершалу» – призыв о помощи, намек.

Ажитация в рамках суицидального синдрома.

Надо что-то делать, надо что-нибудь сделать. «Что-нибудь я сейчас сделаю!» – решил он. Он подобрал ружьё и скоро пошагал... сам не зная куда. Только прочь с кладбища, от этих крестов и молчания. Он стал вслух, незло материть покойников: «Лежите?.. Ну и лежите! Лежите – такая ваша судьба. При чём тут я-то? Вы лежите, а я малость ещё побегаю по земле. Покружусь. Теперь он хотел убежать от мысли о кладбище, о том, как он лежал там... Он хотел

Ivan notes with self-criticism:

“... I have one weakness: as I drink, I start to argue with everyone. This, too, does not fit in my head, because I am a completely different person when I'm sober. And while driving, no one has ever seen me drunk and will never see me drunk.” In a store I took “half a kilo” of vodka, drank it right away without having a snack and went home – into darkness and emptiness. He walked with his hands in his pockets and did not look around. But somehow the desired balance did not come in his soul. *Raskas.*

Vasily Makarovich could drink for two or three weeks, he was aggressive, violent ... for 10 years of our life, only three, at most five, times he told me he loved me, but he did that only because of resentment or jealousy. The birth of the second daughter was finally sobering. *Lydia Fedoseeva-Shukshina, the widow.*

Warning signs.

He couldn't live like that anymore! At the dawn break he went to the paramedic to ask for pills. In a strangely attentive way, with a wry smile he looked at the paramedic, then rose up. ‘Thanks for the pills.’ He turned around and walked back. *“The Accidental Shot”*

It reminds:

“Listen, give me, for God's sake, the cartridges! He asked once. – I'm out of them. You know, I keep sensing it all at night – as if someone is walking around the house! And everywhere it is as quiet as in a coffin ... Would you give me?». And I gave him about six cartridges. “Enough for you,” I said, chuckling, “to shoot back.” *Yu. Kazakov “In a dream you cried bitterly”*

A request, an appeal to a friend, “paramedic” is a call for help, a hint.

Agitation in the framework of suicidal syndrome.

I must do something; I must do something. “I'll do something now!” He decided. He picked up the gun and soon walked out without knowing where. Just away from the cemetery, from these crosses and silence. He began to swear aloud to the dead: “So you are Lying down?.. Well, keep lying down! To lie down is your destiny. What have I got to do with it? You are lying down, and I am still running a little on the ground. I'll run a little longer. Now he wanted to escape from the thought of the cemetery, of how he himself was lying there ... He wanted to run somewhere, to someone. Maybe tell everything ... Maybe laugh. I would like to drink! Where can I do that now? What do you mean ‘where’? And Verka the barmaid from the store? Uh, one can always get a drink there! There, by the way, you can spend the night. Spirka turned into an alley. No, you can't live in the village. You will run away from shame to the ends of the world. Cruel feelings drove Spirka forward, as if someone was pushing him in the back. *“Suraz”*

куда-нибудь прибежать, к кому-нибудь. Может, рассказать всё... Может, посмеяться. Выпить бы! А где теперь? Как где? А Верка-буфетчица из чайной? Э-э, там же всегда есть! Там, кстати, можно и переночевать. Спирька свернул в переулок. Нет, в деревне не жить. От позора на край света сбежишь. Жестокие чувства гнали Спирьку вперед, точно кто в спину подталкивал. «Сураз»

Ещё реконструкция предсмертной одинокой хаотичной активности.

«Что делал он в эти последние свои часы? Прежде всего переоделся, по привычке аккуратно повесил в шкаф свой городской костюм. Потом принес дров, чтобы протопить печь. Ел яблоки. Не думаю, что роковое решение одолело его сразу – какой же самоубийца ест яблоки и готовится топить печь! Потом он вдруг раздумал топить и лег. Вот тут-то, скорее всего, к нему и пришло *это!* О чем вспоминал он и вспоминал ли в свои последние минуты? Или только готовился? Плакал ли?... Ю. Казаков «Во сне ты горько плакал»

Зловещее успокоение как фаза острого предсуицида [1].

В душе наступил покой, но какой-то мёртвый покой, такой покой, когда заблудившийся человек до конца понимает, что он заблудился, и садится на пенёк. Не кричит больше, не ищет тропинку, садится и сидит, и всё. ... свернул с дороги в лес¹, въехал на полянку, заглушил мотор, вылез, огляделся и сел на пенек. «Вот где стреляться-то, – вдруг подумал он спокойно. – А то на кладбище припорол. Здесь хоть красиво» ... Ещё он подумал, что люди завидуют птицам... Закрыв ладонями лицо и так остался сидеть. Долго сидел неподвижно. «Сураз»

По шукшински, подробно и суховато – отчёт предсмертных действий и дум. Сюжет завершён – событийный ряд на исходе.

Бремя «выживших» как социально-психологическое последствие суицида.

Жена брякнулась в обморок, а Иван полыхнул себе в грудь. Двое детей осталось. «Алеся бесконвойный»

Если новая семья после недолгого шок «не ждали», а испытает облегчение от ухода домашнего неблагодарного тирана Кольки (в Париж или на погост). Поможет хроническая неприязнь – «нарочно напоследок нагадил дома». Пчелка Валя («всё в дом») с малолеткой-дочерью – жертвы ужасных обстоятельств («выжившие»), чей сценарий жизни открыт. Работящая молодуха Валя с квартирой и опытом, крепкими тылами – верим, не засидится в вдовах за дорогими шторами, но ограждённая от травматических деталей дочурка станет «подранком» даже при умело скрытой трагической правде. Далёкая робкая мать умоется слезами («что вдруг?»), до заброшенной могилки не

Here is another reconstruction of a pre-death chaotic lonely activity.

“What was he doing during these last hours? First of all, he changed clothes, out of habit, neatly hung his city suit in the closet. Then he brought some wood to heat the stove. He ate apples. I don't think that the fatal decision overpowered him right away – what a suicide attempter eats apples and prepares to heat the stove! Then he suddenly thought about drowning and laying down. It was then, most likely, that it came to him! What did he think of, what did he remember in his last minutes? Or was he just getting ready? Did he cry?... Yu. Kazakov. *You cried bitterly in your sleep.*

Ominous sedation as a phase of acute pre-suicide [1].

Peace has come to my soul, but some kind of dead peace, such peace, when a lost person realizes to the end that he is lost and sits on a tree stump. He doesn't shout anymore, doesn't look for a path, he sits down and just sits, that's all. ... He turned off the road into the forest, drove into a clearing, turned off the engine, got out, looked around and sat down on a tree stump. “This is where I should shoot,” he suddenly thought calmly. – Why would I first go to the cemetery? At least it's beautiful here”... He also thought that people envy birds ... He covered his face with his palms and remained sitting like that. He sat motionless for a long time. “*Suraz*”

A report of the pre-death actions and thoughts is given in Shukshin's way – with details and in a dry manner. The plot is over – the series of events is running out.

The burden of “survivors” as a socio-psychological consequence of suicide.

The wife fainted, and Ivan blazed himself into the chest. There are two children left.

Alyosha Convoyless

The new family, after a short shock, “we did not expect”, will experience relief from the departure of the domestic ungrateful tyrant Kolk (to Paris or to the churchyard). Their chronic dislike will help them – “He deliberately shit at home for the last time.” Valya who is always busy as a bee (“to take everything in the house”) with her young daughter are victims of dire circumstances (“survivors”), whose life scenario is open. We believe that working young woman Valya with her own apartment and experience, who has strong support, will not sit up in widows with her expensive curtains, but her daughter, protected from traumatic details, will become “wounded” even with a skillfully hidden tragic truth. A distant timid mother will wash herself with tears (“why suddenly?”), as she

¹ В берёзовом лесу – жениться, в сосновом – Богу молиться (советский вариант – веселиться), в еловом – удавиться. Народная мудрость. / In a birch forest one should get married, in a pine forest one should come to pray to God (the Soviet version - to have fun), in a spruce forest - one should hang themselves. Folk wisdom

добраться, но хозяйство и ближний круг не даст уйти в бездельную печаль. Жизнь продолжена без Кольки и не заметила потери в мирное время неудачливого бойца.

Спирьку нашли через три дня в лесу, на весёлой полянке, Он лежал, уткнувшись лицом в землю, вцепившись руками в траву. Ружьё лежало рядом. Никак не могли понять, как же он стрелял? Попал в сердце, а лежал лицом вниз... Из-под себя как-то изловчился. Привезли, схоронили. Народу было много. Многие плакали. «Сураз»

Показательно: без вопросов, зачем бузотёр порешил себя. Любопытно – как.

Колька лежал на спине весь забинтованный. Бледный, незнакомый какой-то как чужой. Он был совсем безнадёжный на вид. Отец вспотел от горя.» Попросил бы меня – я бы попал куда надо... Чтоб сразу уж...». Голос отца подскёк... вытер со лба пот, сел на табуретку рядом с кроватью. «Болят?». Колька прикрыл глаза: болят ... Отец обезумел от горя: взял доктора за грудки: «А ты для чего здесь? Организм!» ... Мать Кольки лежала в постели – захворала с горя. «Если помрёт, тебе тоже несдобровать. Убью. Возьму топор и зарублю. Отец был бледный и страшный в своём отчаянии. Мать заплакала. Отец снял с божницы икону Николая-угодника и трахнул её об пол. Вот ему!.. Гад такой! «Случайный выстрел»

Есть о чем посудачить, а то необязательно пустить слезу проспавшим соседям, запертым по отдельным квартирам или избам («а наутро они проснулись»).

Антисуицидальные факторы, или «Охота жить!»¹

«Как всё же: надо жалеть свою жизнь или нет?»

В. Шукшин «Алеша бесконвойный»

Искания духовности в религиозности, «зов крови» В.М. не упомянуты. Народное предубеждение против убийцев и самоубийц...

... Да разве ж когда наживеся? Кому охота в ее, матушку, ложиться. / – Есть же самоубийцы... / – Это хворые. Бывает: надорвется человек, с виду вроде ничего ишо, а снутри не жилец. Пристал. / - И не додумал чего-то... «Земляки»

... в жизни отчаявшихся не держит.

Амбитенденность.

Спирька на кладбище приладил стволы к сердцу... И ясно увидел, как лежит с развороченной грудью, раскинув руки, глядя пустыми глазами в ясное утреннее небо... и над ним, холодным, зажужжат синие мухи, толстые, жадные. Сбегутся всей деревней: «Надо прикрыть, что ли». Содрогнулся. Брезгливо, с опаской отстранил от себя стволы, перехватил ружьё, осторожно спустил курки. Глубоко и радостно вздохнул. ... Ну, побили... а ты сразу... стреляться, О-о! Спирька лёг спиной на прохладную землю, раскинул руки... Вот так он завтра лежал бы. Там, где сейчас стучит сердце была бы рваная дыра от двух зарядов – больше шапки. Может, загорелся бы, и истлели бы пиджак и рубаха. Голый лежал бы... смотреть же противно! Спирька сел,

cannot reach an abandoned grave, but the household needs and the inner circle will not let her go into idle sadness. Life continued without Kolka and did not notice the loss of an unlucky fighter in the peacetime.

Spirka was found three days later in the forest, in a cheerful clearing, He lay with his face buried in the ground, holding the grass with his hands. The gun was lying nearby. No one could understand how he shot himself. He got in the heart, but he was lying face down ... How could he manage to get shot from under himself? They brought him in and buried. There were many people. Many of them cried. "Suraz"

It is indicative: no questions were asked about why he decided to kill himself. They were only curious how he did that.

Kolka was lying on his back, all bandaged. Pale and unfamiliar as a stranger. He looked completely hopeless. His father was sweating with grief. "If he would have asked me – I would have got to the right place ...". Father's voice trembled... he wiped sweat from his forehead, sat down on a stool next to the bed. "Does it hurt?" Kolka closed his eyes: it does... The father went mad with grief: he took the doctor by the breasts: "And what are you here for?" ... Kolka's mother was lying in bed as she fell ill with grief. "If he dies, it's not good for you either. I will kill you. I'll take an ax and hack it. The father was pale and terrible in his despair. The mother began to cry. The father took off the icon of St. Nicholas from the shelf and crashed it against the floor. Here what the God would take from me now!.. Such a bastard! *The Accidental Shot.*

There is something to gossip about, and even shed a tear with the neighbors who have overslept, locked in separate apartments or huts ("and the next morning they woke up").

Anti-suicidal factors, or "I want to live!"

"So what should we do: Shall we feel sorry for our life or not?"

V. Shukshin "Alyosha Convoyless"

V.M. never mentioned the search for spirituality in religiosity or the "call of the blood". There is popular prejudice against murderers and suicide attempters ...

... Life does not hold the desperate ones.

Ambitendency.

Spirka put the gun to his heart at the cemetery ... And he clearly saw himself lying with his chest torn apart, his arms outstretched, his empty eyes looking into the clear morning sky ... and there are buzzing blue flies, fat, greedy, over his cold body. The whole village will run up: "We need to cover, or something." He shuddered. With disgust, cautiously, he removed the barrels from

¹ Рассказ В. Шукшина / A short story by V. Shukshin

закурил, с наслаждением затянулся. Так торопился засадить в себя эти два заряда, что и покурить напоследок не догадался. Опять лёг, курил, смотрел на звезды; и показалось, что они чуть звенят в дрожи – тонким-тонким звоном; и ему тоже захотелось тихо-тихо, по-щенячьи, поскулить...

«На капсюли-то, – сказал он фельдшеру. – У меня своих хоть отбавляй. – Посмотри ногу... хочу протез попробовать. Надоело так». «Случайный выстрел»

Критический острый постсуицид как прогностический фактор низкого риска рецидива суицидальной попытки [1].

Колька поправился. Через пару недель сидел в кровати и ковырялся пинцетом в часах ... Августовский полдень вызванивал за окнами светлую тихую музыку жизни ... Колька тихонько хохотал, уткнувшись в подушку. Когда кто-нибудь спрашивал, как это с ним получилось, густо краснел и отвечал неохотно: «Нечаянно». И склонялся к часам. «Нечаянный выстрел»

Ситуация счастливо разрешена неловким, к счастью, стрелком: ноет только култышка. «Зубная боль сердца» исцелена.

«Недалеко от больницы повстречал Глашку. Та бежала ему навстречу. Скажу я ему, дядя Андрей... пусть! Скажу, что согласная, – пусть поправляется».

Ожидание счастья (предвкушение радости).

Алеша Бесконвойный в одномённом рассказе в банный день занят самоудовлетворением («делает себя счастливым»): былым и думами. И открыт ему радостный талант замечать в заурядных подробностях красу бытия.

И я там был, и пиво пил, икалось
– Шесть похорон за год, развод и гадость
Бездомного в Отчизне бытия
Чтоб в нём не стать на голову увечным,
Мне способ дан один – соседство с вечным.
Кто так подстроил? Может быть, и я ...

А. Дидуров

От угрюмого молчуна Ивана Петина (40) сбегала жена («Рассказ»): «извини, но больше с таким пеньком жить не могу. Не ищи меня» ... Два дня Иван не находил себе места. Пробовал напиться, но ещё хуже стало – противно. Бросил.

Что опасно, как любой слом привычного стереотипа.

Выход найден на третий день: написал рассказ в газету. Захотелось спросить всех: как же так можно?! .. Им совестно станет. Может, она вернётся.

Нетривиальный выход из кризиса через творческое самовыражение. И негасимая вера советского человека в силу печатного слова: газета поможет и врать не может.

Поддержка любящих и ответственность перед семьёй:

«Сашка, милый, пойдём домой, пойдём домой, ради бога, – взмолилась Вера, видно, чутьём угадавшая, что творится в душе мужа. – Пойдём домой, там малышки ждут ... Неужели тебе нас-то не жалко?». Сашка лёгким движением высвободил руку... И покорно пошёл домой.

himself, intercepted the gun, and carefully pulled the trigger. He sighed deeply and happily. ... So, they beat you up ... and you want to shoot yourself right away, O-oh! Spirka lay down on his back on the cool ground, spread his arms ... That's how he would lie tomorrow. Where the heart is beating now, there would be a torn hole from two charges – bigger than a cap. Maybe he would catch fire and his jacket and shirt would smolder. Naked would he lie ... what a disgusting look! Spirka sat down, lit a cigarette, took a long drag on the cigarette with pleasure. I was in such a hurry to plant these two charges in myself that I did not even think to smoke for the last time. He lay down again, smoked, looked at the stars; and they seemed to be jingling a little – a light-light jingling; and he, too, wanted to whine quietly like a puppy ...

“I don't need the pills,” he said to the parame-dic. – I have more than enough of my own. – Take a look at the leg ... I want to try a prosthesis. I'm so tired. ” *"The Accidental Shot"*

An example of a critical post-suicide [1].

Kolka recovered. A couple of weeks later he was sitting in bed and tinkering his watch with tweezers ... August noon called the bright, quiet music of life outside the windows ... Kolka laughed softly burying himself in a pillow. When someone asked how it happened to him, he blushed deeply and answered reluctantly: "Accidentally." And leaned towards the watch. *"The Accidental Shot"*

The situation was happily resolved fortunately by an awkward shooter: only the stump hurts. "Toothache of the heart" is now healed.

Expectation of happiness (anticipation of joy).

Alyosha Convoyless in the same story on a bath day is busy with self-satisfaction ("makes himself happy"): thoughts about the past and present. And a joyful talent was opened to him to notice the beauty of life in ordinary details.

And I was there, drank beer, and hiccupped.

Ivan Petin (40) was so gloomy and silent that his wife ran away from him: "I'm sorry, but I can't live with such a hemp anymore. Don't look for me. "For two days Ivan could not find a place for himself. He tried to get drunk, but it became even worse – disgusting so he gave it up.

Which is dangerous, as any other breakdown of the usual stereotype.

A way out was found on the third day: he wrote a story for a newspaper. He wanted to ask everyone: how is it possible?! They might become ashamed. Maybe she'll come back.

A non-trivial way out of the crisis through creative self-expression. And the unquenchable faith of the Soviet people in the power of the printed word: the newspaper will help and can-

«Всё. Гори всё синим огнём! Пропади всё пропадом! Что мне, душу свою на куски порезать?!», – кричал Алёша не своим голосом. Тогда-то Таисью предупредили: «Смотри... а то не в роду ли это у их». И Таисья отступилась. ... хотел Алёша, чтоб дети его выучились, уехали бы в большой город и возвысились там до почёта и уважения ... Нет, жить, конечно, имеет смысл. ... И вдруг подумал: а что, вытянусь вот так вот когда-нибудь... Алёша даже и руки сложил на груди и полежал так малое время. Напрягся было, чтоб увидеть себя, подобного, в гробу. И уже что-то такое начало мерещиться – подушка вдавленная, новый пиджак... Но душа воспротивилась дальше, Алёша встал и, испытывая некое брезгливое чувство. *«Алёша бесконвойный»*

Спирьку от смертоубийства (мести за унижение) отвратили мольбы любимой и мысли о матери. Не выживет она. Как поведут его, связанного, как увидит... выстрел этот ни замолить, ни залить вином нельзя будет. И легко на минуту стало – что не натворил беды... *«Сураз»*. Но эффект поменял вектор на самонаказание.

Несуицидальное самоповреждение как антисуицидальный жест.

Серёга доверчиво «парил в облаках», пока не услышал любовного лепета жены с двоюродным братом:

«Так знакомо! Так одинаково! ... все ухнуло в пропасть, и стала одна черная яма... Чтобы унять невыносимую боль, «положил на жердину левую руку и ткнул топором по пальцам. Два пальца – указательный и средний – отпали». ... если бы ещё раз налетела такая буря, он бы опять растопырив ей руки – пошёл бы навстречу. Всё же, как ни больно было, это был праздник. Конечно, где праздник, там и похмелье, это так... Но праздник-то был? Был. Ну и всё. *«Беспальный»*

И всё-таки, любовь лечит чаще, чем нелюбовь – калечит.

Сейчас у Сережи начнётся праздник. Тоску его липовую как ветром сдует. Он любит эту маленькую опрятную головку, любит тихо, упорно и преданно. И не говорит ей об этом. *В. Шукшин «Воскресная тоска»*

Портрет суицидента от Шукшина.

Души изменчивой приметы... *Н. Заболоцкий «Портрет»*

Отломанные от традиций и/или не ставшие городскими – зрелый Шукшин и его типажи [8, 9], они же – аномические суициденты Дюркгейма.

Анализ избранных авторских текстов [10] выполняет устойчивый образ среднестатистического русского самоубийцы: мужчина 25-45 лет.

Ты мужик, а мужик до сорока годов парень. *В. Шукшин «Любавины»*

С образованием не ниже среднего, привычно горько и безрадостно пьющий (от скуки как депрессивного эквивалента или избытка тёмного буйства), работающие, где и как придётся, необременительно («летуны»), агрессивные (до поры прощаемые) в быту. За неким исключением вне внимания

not lie.

Support from loved ones and responsibility for the family:

"Sashka, dear, let's go home, let's go home, for God's sake," Vera pleaded, apparently guessing by instinct what was going on in her husband's soul. - Let's go home, the little ones are waiting there ... Don't you feel sorry for us? Sashka freed his hand with a light movement ... And obediently went home.

Spirka was saved from committing a murder (revenge for humiliation) by the pleas of his beloved and thoughts about his mother. No, she will not manage to live after she sees him tied up and taken through the crowd... this shot can neither be filled with wine, nor can it be prayed over. And it became easy for a minute – that he had not done trouble ... "Suraz". But the affect changed the vector to self-punishment.

Non-suicidal self-harm as an anti-suicidal gesture.

Seryoga was "soaring in the clouds" until he heard the love babble of his wife with his two-brother:

"So familiar! So same! ... everything plunged into the abyss and there was nothing but black pit... To relieve the unbearable pain, "put his left hand on the rail and tapped his fingers with an ax. Two fingers – index and middle – fell off. " ... if such a storm had come again, he would have spread his arms out again – he would have gone to meet his fate. Yet, no matter how painful it was, it was a holiday. Of course, where there is a holiday, there is a hangover, so ... But was there a holiday? There was. Well, that's all. "Fingerless"

And yet, love heals more often than non-love destroys.

Now Seryozha's holiday will begin. His false melancholy will be blown away with the wind. He loves this neat little head, loves quietly, stubbornly and faithfully. And he doesn't tell her about it. *V. Shukshin "Sunday melancholy"*

Portrait of a suicide by Shukshin.

Broken off from traditions and / or not managed to become urban – mature Shukshin and his characters [8, 9], they are also anomical suicide attempters of Durkheim.

The analysis of selected author's texts [10] fulfills a stable image of the average Russian suicide attempter: a man of 25-45 years old.

With at least secondary education, habitually drinking bitterly and joylessly (out of boredom as a depressive equivalent or an excess of dark rampage), working wherever they have to, unrestrainedly ("flyers"), aggressive (but always forgiven) in everyday life. With some exceptions outside the attention of medical (specialized) and law enforcement services. Pre-suicide is bright and short, but the suicidal scenario is

медицинских (специализированных) и правоохранительных служб. Предсуицид ярк и короток, но суицидальный сценарий писан с молодых ногтей (личностная predisposition, по А. Амбрумовой: незрелость, сенситивность, импульсивность при слабом когнитивном контроле). Суицид – без суицидальных попыток в анамнезе на фоне острого или застарелого (неразрешимых) микросоциального конфликта при слабости антисуицидальных факторов.

... И вот ещё что (любимый рефрен Стивена Джобса и лейтенанта Коломбо).

«Как хорошо на свете! ... Но почему от этого всегда так больно?». Б. Пастернак «Доктор Жеваго»

written from young years (personal predisposition, according to A. Ambrumova: immaturity, sensitivity, impulsivity with weak cognitive control). Suicide without a history of suicidal attempts is committed against the background of an acute or chronic (insoluble) microsocial conflict with weak anti-suicidal factors.

... And here's one more thing (favorite refrain of Steven Jobs and Lieutenant Colombo).

"How good it is to be in the world! ... But why does it always hurt so much?" B. Pasternak "Doctor Zhevago"

Литература / References:

1. Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А. Диагностика суицидального поведения. М., 1980. [Ambrumova A.G., Tikhonenko V.A. Diagnostics of suicidal behavior. Moscow, 1980.] (In Russ)
2. O'Connor R., O'Carroll R.E., Ryan C., Smyth R. Self-regulation of unattainable goals in suicide attempters: A two year prospective study. *J Affect Dis.* 2012; 142 (1-3): 248–255. DOI: 10.1016/j.jad.2012.04.035
3. Galynker I. The suicidal crisis: Clinical guide to the assessment of imminent suicide risk. NY: Oxford University Press, 2017: 328.
4. Cohen L.J., Gorman B., Briggs J., et al. The suicidal narrative and its relationship to the suicide crisis syndrome and recent suicidal behavior. *Suicide Life-Threat Behav.* 2019; 49 (2): 413–422. DOI: 10.1111/sltb.12439
5. Чистопольская К.А., Rogers M.L., Cao E., Галынкер И., Richards J., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Садовнича В.С., Дровосеков С.Э. Адаптация «Опросника суицидального нарратива» на российской выборке. *Суицидология.* 2020; 11 (4): 76-90. [Chistopolskaya K.A., Rogers M.L., Cao E., Galynker I., Richards J., Enikolopov S.N., Nikolaev E.L., Sadovnichaya V.S., Drovosekov S.E. Adaptation of the Suicidal narrative inventory in a Russian sample. *Suicidology.* 2020; 11 (4): 76-90.] (In Russ / Engl) DOI: 10.32878/suiciderus.20-11-04(41)-76-90
6. Трегубов Л.З., Вагин Ю.Р. Эстетика самоубийства. Пермь: Калик, 1993: 71–6. [Tregubov L.Z., Vagin Y.R. Aesthetics of suicide. Perm: Kalik, 1993: 71-6.] (In Russ)
7. Zimmerman M., Lish J.D., Lush D.T., et al. Suicidal ideation among urban medical outpatients. *J. Gen. Intern. Med.* 1995; 10: 573–576.
8. Аннинский Л.А. Путь Василия Шукшина. Традиции семидесятых. М., 1978. 43 с. [Anninsky L.A. The Way of Vasily Shukshin. Traditions of the seventies. M., 1978. 43 p.] (In Russ)
9. Левашова О.Г. «Жил человек...» (проблема самоубийства в творчестве В.М. Шукшина в аспекте традиций русской классики). *Сибирский филологический журнал.* 2003; 3-4: 52–56. [Levashova O.G. "There lived a man ..." (the problem of suicide in the works of V.M. Shukshin in the aspect of the traditions of Russian classics). *Siberian Philological Journal.* 2003; 3-4: 52–56.] (In Russ)
10. Любов Е.Б., Зотов П.Б., Куликов А.Н. Качественные исследования в суицидологии. Часть I: зачем и почему. *Суицидология.* 2021; 12 (2): 139-157. [Lyubov E.B., Zotov P.B., Kulikov A.N. Qualitative research in suicidology. Part I: why and what for. *Suicidology.* 2021; 12 (2): 139-157.] (In Russ / Engl) DOI: 10.32878/suiciderus.21-12-02(43)-139-157

«HOW A WIFE SAW HER HUSBAND OFF TO PARIS» AS SUICIDE NARRATIVE

E.B. Lyubov

Moscow Institute of Psychiatry – branch of National medical research centre of psychiatry and narcology by name V.P. Serbsky, Moscow, Russia; lyubov.evgeny@mail.ru

Abstract:

While analyzing the content of V. Shukshin's story "How a wife saw her husband off to Paris" and other relevant literary texts as "case descriptions", the formation of a suicidal crisis is shown with an indication of predisposing and protective (anti-suicidal) factors.

Keywords: suicide, suicidal crisis, narrative, qualitative analysis

Финансирование: Данное исследование не имело финансовой поддержки.
Financing: The study was performed without external funding.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

Статья поступила / Article received: 27.09.2021. Принята к публикации / Accepted for publication: 07.11.2021.

Для цитирования: Любов Е.Б. «Жена мужа в Париж провожала» как суицидальный нарратив. *Суицидология.* 2021; 12 (3): 3-26. doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-03(44)-3-26

For citation: Lyubov E.B. «How a wife saw her husband off to Paris» as suicide narrative. *Suicidology.* 2021; 12 (3): 3-26. doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-03(44)-3-26 (In Russ / Engl)